

Дарья Донцова

Самовар с шампанским

Дарья Донцова
Самовар с шампанским
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 47

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8271891

Донцова, Дарья Аркадьевна. Самовар с шампанским : роман: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-74357-5

Аннотация

Ох, как непросто выйти замуж! Узнав, что жених Даши Васильевой, профессор Маневин, антрополог, менеджеры свадебного агентства предложили устроить торжество в доисторическом стиле и нарядить гостей обезьянами! Да еще и полковник Дегтярев отвлек от подготовки торжества, попросив Дашу слетать в Париж – только она благодаря своему блестящему французскому может расспросить свидетельницу по весьма странному делу. Несколько лет назад похитили Луизу Маковецкую, потребовав у ее отца выкуп. Передача денег сорвалась, поэтому все считали девушку погибшей. И вдруг ее бездыханное тело обнаружили в салоне самолета, совершающего рейс из Парижа! При этом паспорт у нее оказался на имя совсем другой женщины, Людмилы Бритвиной, супруги парижанина

Поля Эвиара... Прибыв в город моды и духов, любительница частного сыска нашла дом Эвиара и выяснила: его жена – француженка, слыхом не слыхавшая ни о каких русских!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	58
Глава 7	68
Глава 8	77
Глава 9	87
Глава 10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Дарья Донцова

Самовар с шампанским

© Донцова Д.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Собака не человек, она никогда не будет спать с тем, кого не любит!

Я оторвалась от планшетника и посмотрела на красного от гнева мужчину, который кричал на симпатичную стюардессу, стоявшую около его кресла.

– Я заплатил за бизнес-класс и требую соответствующего обслуживания!

– Что я могу для вас сделать? – вежливо осведомилась девушка в красной форме.

– Уже сделали! – заорал пассажир. – Напоили меня дерьмовым кофе, угостили хреновой едой. Теперь позаботьтесь о моей собаке! Она нервничает, спать не может! Мотя тоже пассажир! Ее перелет из Парижа в Москву мне в копеечку влетел! Я требую правильного отношения к бизнес-клиенту, даже если это животное!

Бортпроводница не изменилась в лице и заученно повторила:

– Что я могу сделать для Моти?

– Почему собаку устроили через проход от меня? – не снизил градус возмущения грубиян. – По какой причине не предоставили нам места рядом? Мотя не женщина, она не станет спать с тем, кого не любит! Посадите ее около меня! Немедленно!

Я от всей души позавидовала умению девушки сохранять невозмутимость. Наверное, сотрудников авиакомпаний специально учат не выходить из себя. Хотя мне бы никакие психологические тренинги не помогли. Окажись сейчас я на месте очаровательной блондинки в форме, вылила бы на голову хама весь чай, который можно найти на кухне лайнера.

Самолет слегка качнуло, бортпроводница схватилась за спинку кресла.

– Что происходит? – взвизгнул противный мужик. – Мы падаем?

– Все в порядке, – ободряюще улыбнулась девушка, – обычная воздушная яма.

– Нет, нет, нет! – затвердил мой сосед. – Зачем я сел в эту колымагу?! Она сейчас развалится. Вся старая, ржавая, у нее на ходу крылья отлетят.

– Это невозможно, – сделала очередную попытку успокоить дебошира стюардесса, – я не знаю ни одного случая, когда самолет потерял крыло.

– А какие случаи вы знаете? – тут же отреагировал мужик. – Загоревшийся мотор? Птица, попавшая в двигатель? Невышедшее шасси? Нажатие пилотом на тормоз в момент взлета?

– Наш самолет новый, ему всего шесть лет, – принялась утешать скандалиста бортпроводница, – и он абсолютно надежен.

– Шесть лет? – повторил пассажир. – Шесть лет??? Так

я и предполагал, что Россия использует дерьмо, списанное приличными компаниями. Да я, как только автомобилю исполняется три года, сразу его меняю, потому что прекрасно знаю: двигатель состарился, откажет в нем какая-нибудь хрень, и бумс! Авария!

– Самолет не машина, – улыбнулась блондинка, – они и по двадцать, и по тридцать лет летают.

– Что? – взвыл мой сосед. – Сколько??? Я хочу отсюда уйти! Немедленно!

Стюардесса поняла, что совершила фатальную ошибку, пытаюсь успокоить истерика при помощи логики.

– Наш лайнер совсем новый, а пилот самый опытный в авиакомпании, налетал много часов.

– Летчик у них опытный, – скривился мужчина. – Да вы просто замалчиваете правду! А я изучил вопрос и знаю: часто перед полетом те, кому завтра садиться за штурвал, колобродят, пьют, гуляют. Не так давно разбился самолет, потому что его командир во время взлета нажал на тормозные педали. Еще один борт рухнул, так как экипаж пошел на снижение в условиях плохой видимости, следующая катастрофа разыгралась из-за того, что летчики не настояли на обработке корпуса противообледенительной жидкостью.

– Пожалуйста, дайте стакан воды, – еле слышно попросила пассажирка, сидевшая через проход, – умоляю, мне плохо!

Стюардесса метнулась на кухню.

– Эй, ты куда! – закричал идиот. – Я с тобой разговари-

ваю!

Потом посмотрел на женщину, которая попросила пить, потряс своим ноутбуком и заявил:

– Видали, как она унеслась? А почему? Правда глаза колет! Я скачал из Интернета правдивую, а не лживую статистику авиакатастроф! Хотите посмотреть?

Пассажирка вжалась в кресло и затряслась. Мой сосед открыл компьютер, я невольно увидела большое фото и вздрогнула. Нет, журналистам, которые публикуют репортажи о катастрофах, надо запретить размещать такие снимки.

– Смотрите! – заорал истерик. – Вот что скоро с нами случится!

Женщина, сидевшая через проход, посинела, а мой сосед встал, положил свой ноутбук на собачью перевозку, стоявшую в кресле около дамы, и воскликнул:

– Эти несчастные понадеялись на благополучное приземление, и что?

Вот тут я не выдержала и сказала стюардессе, которая вынырнула из кухни с полным стаканом:

– Переместите пса на мое место, я поменяюсь с ним.

Потом я повернулась к идиоту и велела:

– Немедленно прекратите запугивать окружающих! Вы аэрофоб, не способный справиться со страхом, и от этого омерзительно себя ведете. Но пассажиры не виноваты, что у вас истерика!

Мужик опешил. Стюардесса ослепительно улыбнулась:

– Спасибо вам. Собачке будет лучше рядом с хозяином. У нас сегодня полный салон, это редкость.

– Мотя не собачка! – взвился хам. – Она – чемпион Бестшоу, обладательница более сотни наград, летала в Париж на выставку, получила там золотую медаль. Еще Полканом элитную чихуахуа обзови!

– Встаньте, пожалуйста, – велела я скандалисту.

– Еще чего! Меньше воды пить надо, – огрызнулся тот. – Я не нанимался всех в туалет пропускать. Ну и обслуживание бизнес-пассажиров! Да когда я в Эмираты летал, их авиа-линии ноги нам мыли и воду пили! Какого дьявола посадили меня, VIP-клиента, не у окна? А? Откройте форточку! Душно!

– Простите, окна в авиалайнере не открываются, – профессионально улыбаясь, возразила стюардесса.

– Ничего в России делать не умеют! Вот когда я летал в США на самолете американских авиалиний, там сначала подали коктейли, закуску, затем впустили свежий воздух с улицы, принесли пуховые пледы. А у нас? Задыхайтесь в полете, ешьте холодную курицу, ровесницу Адама и Евы, – затопал ногами хулиган.

Я дернула его за плечо:

– Если вы не поднимитесь, я не смогу поменяться местом с Мотей. Кстати, стюард любых международных рейсов давно бы уже вызвал сюда охрану, и летели бы вы дальше в наручниках, с кляпом во рту. Вам повезло, что восполь-

зовались российской авиакомпанией. У меня к перевозчику лишь одна претензия: он дает слишком много прав пассажирам и не защищает от них своих служащих. Вы возмущались, что не сидите вместе с собакой? Пожалуйста, я готова помянуться с Мотей. Но вам этого не надо, потому что вы намерены скандалить по любому поводу.

В глазах бортпроводницы мелькнул испуг, она явно ожидала шумного продолжения скандала. Но мужик неожиданно молча встал. Я вышла в проход, стюардесса в мгновение ока переставила перевозку с чихуахуа, я же села рядом с бледной до синевы женщиной и сказала:

– Добрый день.

Она не ответила, я открыла айпад. Всякий раз, возвращаясь из Франции, я забываю, что в России не принято здороваться с незнакомыми людьми. В Париже, войдя в булочную или встав в очередь за билетами в кино, человек машинально бормотнет: «Бонжур», и ему все ответят. Но в Москве это не принято, у нас почему-то не любят приветствовать друг друга, редко говорят спасибо и не улыбаются посторонним.

– Я принесла вам чай, – тихо сказала бортпроводница, – и пирожное.

Я взглянула на поднос, где стояли чашка и тарелка с десертом, и не удержалась от восклицания:

– Теперь в полете угощают кондитерскими изделиями от Ладюре? Надо же!

Стюардесса зарделась:

– Это только для вас. Я купила перед отлетом коробочку в кондитерской. Не отказывайтесь, пожалуйста, большое вам спасибо за понимание.

– Мне ни разу не попался человек, способный отказаться от шедевров Ладюре¹, – воскликнула я, выдвигая столик из подлокотника. – Как вас зовут?

– Екатерина, – представилась девушка.

Я хотела назвать свое имя, но не успела. Из эконом-салона неожиданно раздался визг, потом вопль:

– Падает!!!

Стюардессу как ветром сдуло, моя соседка позеленела и прошептала:

– Все! Так и знала! Конец! Как мне жарко! Вся горю!..

Я решила успокоить перепуганную насмерть даму:

– Не волнуйтесь, вероятно, один из пассажиров что-то уронил.

– Нет, нет, нет, – зашептала незнакомка, – мы сейчас упадем. Бортпроводница убежала надевать спасательный жилет. Салон разгерметизировался, холод с улицы в него проникает.

– Самолет летит, никакой паники среди персонала нет, – сказала я. – Посмотрите вон туда, вперед, другая девушка выкатывает тележку с товаром. Не хотите что-то купить без пошрины?

---

¹ Ladurée – старейшая кондитерская Парижа, основана в 1862 году Луи Эрнестом Ладюре. Знаменита печеньем Макарон и пирожными.

– Мы не долетим живыми, мне холодно, холодно, – прошептала еле слышно соседка.

– Меня зову Даша, а вас как? Давайте познакомимся, – предложила я.

– Мила, – чуть слышно отозвалась соседка. – Почему молчит радио? Они должны объявить, что самолет падает.

Я начала ковырять ложечкой пирожное. Ну, Дашутка, повезло тебе сегодня! Обычно в бизнес-классе полно свободных мест, но сейчас большинство кресел занято темнокожими парнями-французами. Из их громких разговоров я поняла, что это какая-то футбольная команда летит на товарищеский матч в Москву. А на оставшихся четырех креслах расположились я, хам-паникер, Мила и собачка Мотя. Лететь еще два с половиной часа, и это время явно не удастся приятно провести.

– Они обязаны объявить, что самолет падает, – твердила Мила, прижимая руки к груди, – люди должны подготовиться к смерти, прочесть молитву.

Я сделала вид, что увлечена десертом. Какой смысл говорить Миле, что мы с ней купили билеты авиакомпании, самолеты которой более пяти лет летают без катастроф? Аэрофобу эта информация не поможет.

– Они обязаны объявить, – не успокаивалась Мила, – объявить обязаны...

Я нажала на кнопку вызова стюардессы. На борту есть аптечка, вероятно, в ней должны быть таблетки для пассажи-

ров, теряющих рассудок от ужаса.

И тут вдруг ожило радио:

– Уважаемые пассажиры, наш самолет временно находится в зоне турбулентности. Просим вас занять свои места, застегнуть ремни безопасности и не вставать, пока не погаснет табло.

Самолет затрясло.

– Что я говорил? – закричал паникер. – Так и знал! Господи! Отче наш, помоги умереть без боли!

Продолжая причитать, он открыл перевозку и вытащил оттуда свою собачку. Ей, очевидно, передалось истеричное настроение хозяина, она дрожала и выворачивалась из рук владельца. Я с сочувствием смотрела на крошечную чихуахуа с купированным хвостом. Да уж, нелегко с таким хозяином, он в злую минуту может больно пнуть питомца. И похоже, он это регулярно проделывает, потому что собачка категорически не желает сидеть у него на руках.

Паникер что есть силы прижал к себе чхуню, а та вдруг протяжно завывала.

Моя соседка всхлипнула.

– Смерть почуяла! – торжествующе заявил дурак. – Не плачь, Мотя, я не дам тебе страдать и мучиться, придушу, когда войдем в штопор, ты шмякнешься о землю мертвой, боли не почувствуешь. Жаль, меня никто не убьет! Я в полной мере испытаю муки умирания, у меня поломаются все кости, раздробятся зубы, треснет череп. Начнется пожар...

На секунду в мою душу закрался страх. Вдруг мы и впрямь падаем?

– Вот, – простонала Мила, – все! Отче наш... спаси и сохрани... Пора! Пора! Где она? Где?

И она начала рыться в своей сумочке, вытащила маленькую коробочку, достала из нее таблетку, сунула в рот и бросила упаковку на пол. Мотя перестала быть.

– Чем я могу вам помочь? – спросила стюардесса, подходя к нашему ряду. – Убрать посуду?

– Что случилось в экономклассе? – спросила я. – Мои соседи насмерть перепуганы, полагают, что мы падаем.

Девушка секунду колебалась, потом ответила:

– Один пассажир открывал верхнее багажное отделение, что-то из чемоданчика доставал, а потом плохо захлопнул крышку, она открылась, все вывалилось ему на голову.

Я повернулась к Миле:

– Слышали? На борту полный порядок, вопль «Падает» относился к поклаже. Между прочим, ни один самолет в мире от этой самой турбулентности еще не развалился. Вот уже и трясти перестает.

– Сейчас принесу успокоительные капли, – пообещала стюардесса и быстро ушла.

Удивительное дело, но паникер молчал.

– Мила, вы как? – поинтересовалась я. – Хотите коньяка? Или чаю? Могу поделиться с вами пирожным Ладюре, отрежу половину. Ну очень-очень вкусно! Вылезайте из пледа,

зачем вы с головой закрылись?

Соседка не отвечала, она не двигалась, словно застыла. Я вздохнула: Миле явно следует обратиться к психотерапевту, и лучше ей ездить поездом «Париж – Москва».

– Дарья, – сказал хам, – вас же так зовут? Я слышал, как вы называли свое имя. А я Валерий.

Я повернулась к соседке спиной.

– Что?

– Я вовсе не грубиян, просто сильно нервничаю в самолете, теряю над собой контроль, – признался Валерий. – Ругаюсь от перевозбуждения. Ничего поделать не могу.

– Забавно, – хмыкнула я, – интересная реакция на стресс. А когда вас вызывает высокое начальство, вы на него тоже визжите от того, что боитесь шефа? Нет? Значит, умеете управлять собой. Тот, кто вопит на человека, который не имеет права ему ответить, омерзителен. Но я-то не бортпроводница, поэтому могу сказать: оставьте меня в покое, я не общаюсь со скандалистами.

– А вы с характером, люблю таких женщин! Давайте выпьем вместе кофе после посадки? Я могу вас в ВИП-зал аэропорта провести, – похвастался грубиян.

И тут очень вовремя появилась бортпроводница:

– Вот капельки.

– Мила, – окликнула я соседку, – выпейте лекарство.

Та не издала ни звука.

Я осторожно потянула за край пледа, в который она заку-

талась с макушкой.

– Не бойтесь, самолет спокойно летит. Вам станет легче от микстуры.

Одеяло свалилось пассажирке на колени, я увидела часть щеки и небольшой, замазанный корректором шрам на скуле. Длинные волосы Милы откинулись назад, правое ухо обнажилось, раковина вверху имела не округлую, а усеченную форму и полностью приросла к коже головы. Я замерла мне сразу вспомнился кабинет Дегтярева, куча фотографий на столе, снимок, на котором было запечатлено точно такое же странное ухо, и вторая фотография с женским лицом, на правой скуле которого было родимое пятно размером с ноготь моего большого пальца. Я еще раз всмотрелась в лицо соседки: нет, этого просто не может быть!

– Ей плохо? – занервничала стюардесса. – Ой, она не моргает! Надо спросить у пассажиров, нет ли среди них доктора.

– Ну-ка, пустите, – велел грубиян, – я врач.

Я немедленно встала, Валерий склонился над Милой, потрогал ее шею, выпрямился и сказал:

– Только не орите, всех пассажиров перепугаете. Она умерла.

Глава 2

Бортпроводница, не сказав ни слова, убежала.

– Только не вопи, – быстро предупредил Валерий.

– Я не собиралась кричать, – ответила я. – Вы уверены, что она скончалась?

– Да, – без колебаний подтвердил сосед.

– Добрый вечер, – произнес стройный мужчина, вышедший из-за занавески, отделявшей бизнес-салон от кабины пилотов. – Я Алексей Макаров. Что тут случилось?

– У вас в самолете труп, – понизив голос, сообщил Валерий.

– Ммм, – протянул летчик. – Это точно?

Валерий открыл багажное отделение, достал оттуда сумку, вытащил из нее визитку и протянул Макарову.

– Валерий Никитович Груздев, заведующий отделением экстренной хирургии, доктор медицинских наук, – прочитал вслух Макаров. – Понятно.

– Мила только что разговаривала, – вмешалась я, – ей еще можно помочь, искусственное дыхание сделать.

Доктор опять наклонился над женщиной:

– Бесполезно.

– Вы просто не хотите ничего предпринимать, – возмутилась я.

– Что нам теперь делать? – прошептала бортпроводница.

Груздев выпрямился:

– Не впадать в панику. Ничего не сообщать пассажирам. В бизнес-классе толпа иностранцев, они не понимают, о чем мы беседуем, и вообще все спят. Труп находится в первом ряду кресел, мимо могут пройти в туалет только VIP-пассажиры. У вас есть мешки с почтой?

– Да, – кивнул Макаров.

Врач натянул на голову Милы плед.

– Бросьте мешки на свободное место около тела. Дарья сядет там, где сидела до того, как переставили Мотю. Перевозку с чихуахуа поставим в проход. Правилами так поступать запрещено, но у нас ведь особый случай. Сомневаюсь, что Дарья согласится лететь до Москвы, сидя рядом с покойницей.

Стюардесса посмотрела на пилота:

– Мы можем переместить тело в...

– Нет, – резко перебил девушку Валерий Никитович, – нельзя ее трогать!

– Почему? – рассердилась я.

– Она что-нибудь ела, пила незадолго до смерти? – задал вопрос врач.

– Я принесла ей успокаивающие капли, – пролепетала бортпроводница, – и дама их принять не успела.

– Мила проглотила какое-то лекарство, – вспомнила я. – Вы устроили в салоне истерику, она очень испугалась, а когда из экономкласса раздался крик: «Падает», она решила,

что самолет рухнет. Я пыталась разубедить ее, но Мила меня не слушала, выглядела безумной.

– Сильно побледнела или покраснела, бегающий взгляд, суматошные движения, бессвязная речь? – перечислил Груздев. – Жаловалась на жар, потом на озноб?

– А вы откуда знаете? – удивилась я. – Все верно, но Мила говорила очень тихо, даже я ее с трудом расслышала.

– Я перечислил вам далеко не все симптомы панической атаки, – пояснил Валерий Никитович. – А что она проглотила?

– Понятия не имею, – пожала я плечами. – Вытряхнула пилюлю из таблетницы, потом швырнула ее на пол, вон она валяется.

Стюардесса хотела поднять круглую коробочку.

– Нельзя, – резко сказал Груздев. – У вас есть перчатки? Надеюсь, хлеб-булочки вы раскладываете на тарелки не голыми руками?

– Катя, принеси, – велел пилот.

– И новый полиэтиленовый пакетик, – велел Груздев.

Я слегка напряглась:

– Хотите упаковать улику?

Хирург приподнял брови:

– Да. Откуда вы знаете, как обращаются с вещдоками?

– Сериалы смотрю, детективы читаю, – вывернулась я. – Вы полагаете, что Милу кто-то убил? Надеюсь, меня не подозреваете?

– Подозревать – не моя профессия, – парировал Груздев. – И как мне показалось, убить вы хотели меня.

– За дело, – отбила я подачу, – за уникальное хамство по отношению к Кате и омерзительное поведение во время полета.

– От трупа пахнет горьким миндалем, – вдруг сказал Валерий. – Неужели вы не ощущаете?

– Нет, – ответила я и ахнула: – Цианистый калий! Вот почему вы не стали делать Миле искусственное дыхание, ее было невозможно реанимировать!

– Может, синильная кислота, – пожал плечами Груздев. – Что-то мне с вами, Дарья, расхотелось после полета кофе пить. Ваша девичья фамилия случайно не Борджиа?

Я резко повернулась и пошла в туалет. Влипла ты, Дашутка, в историю. Обижаться на доктора не стоит, я бы сама сразу заподозрила соседку отравленной ядом. Однако этот Груздев быстро пришел в себя! Совсем недавно он закатывал истерику, а сейчас совершенно адекватен. И внешне он вполне симпатичный – темные волосы, карие глаза, усы, борода. Надо же, я всегда думала, что хирурги обязательно гладко выбриты: растительность на лице – рассадник инфекции и, наверное, очень неудобно прятать бороду под маску.

Выйдя из санузла, я спросила у Кати:

– У пилота, конечно, есть связь с аэродромом Шереметьево?

– Да, – подтвердила бортпроводница.

Я протянула ей свой телефон:

– Пусть Макаров передаст наземным службам номер полковника Дегтярева, вот он, второй в списке. Скажите, что Даша Васильева просит его немедленно приехать в аэропорт, на борту труп Луизы Маковецкой.

– Вы же ее называли Милой, – растерялась Катя, – и по спискам пассажиров она проходит как Людмила Бритвина.

– Луиза Маковецкая, – повторила я, – пожалуйста, это очень важно.

Екатерина ушла, я села на железное сиденье, привинченное к стене. Возвращаться в бизнес-салон не хочется категорически, сидеть рядом с Груздевым тем более, а лететь еще долго.

– Дарья, – спросил Алексей, появляясь на кухне, – объясните, кто такой Дегтярев и почему я должен выполнить вашу просьбу?

Я встала:

– Двадцатипятилетнюю Луизу Маковецкую похитили пять лет назад. Ее отец, Сергей Петрович, имел небольшой бизнес, занимался ремонтом квартир, держал магазинчик стройматериалов на рынке. Семья жила не бедно, но и не богато – средне. Похитители потребовали выкуп триста тысяч долларов и предупредили: если Сергей отдаст деньги, дочь без проблем ему вернут. Но если он привлечет к поискам полицию или сам попытается найти преступников, Луиза погибнет. Увы, старший Маковецкий совершил распро-

страненную ошибку: он поверил киднепперу. Отец привез валюту, упакованную в большую спортивную сумку, оставил ее в условленном месте, но не уехал, а спрятался неподалеку, увидел, что выкуп забрал какой-то человек, и решил за ним проследить. Большой глупости нельзя и придумать. Бандит понял, что ему сели на хвост, и сумел уйти. Спустя примерно час Маковецкому позвонили и заявили:

– Ты подписал дочери смертный приговор. Можешь с ней попрощаться!

Из телефона донесся вопль Луизы: «Папочка, папочка, спаси меня!» Затем раздался выстрел и повисла гробовая тишина.

– Ужас! – прошептала Катя. – Я думала, такое только в кино бывает.

– К сожалению, нет, – вздохнула я.

– Не дай бог на месте ее родителей очутиться, – не успокаивалась Екатерина. – Как они это пережили?

– Сергей Петрович после того страшного разговора сразу кинулся в полицию, – ответила я, – он страстно хотел найти убийцу дочери. Расследованием занимался Александр Михайлович Дегтярев, опытный профессионал, но в данном случае он потерпел неудачу. Маковецкий умолял отыскать труп Луизы, чтобы ее достойно похоронить, но останки так и не обнаружили. И не нащупали никаких следов похитителей. Мать Луизы вскоре покончила с собой. Сергей Петрович, поняв, что следствие зашло в тупик, умер от инфаркта.

И вот сейчас в бизнес-салоне лежит тело Луизы.

– Вы уверены? – резко спросил Макаров. – Как смогли ее опознать?

Я сложила руки на груди.

– У бедняжки на щеке была приметная родинка. Сейчас ее нет, но остался шрам, похоже, пятно не совсем удачно удалили. Кроме того, у девушки был генетический дефект: маленькие, слегка недоразвитые, приросшие к коже головы ушные раковины странной формы. Врачи не советовали делать косметическую операцию – у Луизы была сильная аллергия на ряд медикаментов. Родители сказали, что никаких комплексов у дочери по поводу внешности не возникло, в школе девочку никто не дразнил, но волосы всегда уши прикрывали. В свое время специалисты сказали Дегтяреву, что такой дефект большая редкость, встречается у нескольких людей на миллион. У трупа в салоне самолета шрам на щеке и ушная раковина странной формы, полностью приросшая к голове. Конечно, есть шанс, что пассажирка не Маковецкая, но пусть все же Дегтярев приедет со своей командой в аэропорт.

– Понял, – кивнул Алексей и ушел.

– Разрешите долететь до Москвы, сидя на кухне? – спросила я.

Екатерина замялась:

– Это против правил.

– Трупы в самолете тоже не каждый день появляются, – справедливо заметила я, – и я не хочу провести оставшееся

время рядом с доктором-идиотом.

– Он вовсе не грубиян, – улыбнулась Катя. – Я часто таких пассажиров встречаю: летать они боятся, показать страх не хотят, вот на стюардах и отрываются. Между прочим, мужчин среди них больше, женщины честно признаются: «Поджилки трясутся, налейте спиртного побольше». А парни не хотят показаться слабаками.

* * *

В Москве мы приземлились по расписанию. Я подошла к двери первой и услышала за спиной голос Груздева:

– На кухне сидели? Так проголодались, что решили пристроиться поближе к еде? Или не захотели со мной общаться?

– Второе предположение верно, – сухо ответила я.

– Ладно вам, Дашенька, давайте зароем топор войны, – попросил Груздев. – Я уже извинился, будьте снисходительны к мальчику-трусу.

Мне не пришлось продолжать разговор: тяжелая дверь открылась, я увидела двух пограничников и Дегтярева.

– Стой здесь, – велел полковник, – слева.

Я вышла из лайнера и отошла в сторону.

Груздев быстро двинулся по рукаву вперед. В одной руке он нес портфель, во второй – перевозку с продолжавшей стонать собакой.

– Сейчас тебя отведут в ВИП-зал, там тебя ждет Маневин. Вы с ним куда-то собрались? – спросил Александр Михайлович.

– В свадебное агентство, – объяснила я. – Придется организовать торжество по полной программе. Зоя Игнатьевна нас достала. Чтобы ее успокоить, мы согласились устроить праздник по всем правилам.

– Значит, одобрение на брак от Маши и остальных получено? – усмехнулся полковник. – Белое платье, фата, букет невесты?

– Ты не хочешь заняться работой? Посмотреть на труп? Взять у меня показания? – рассердилась я.

Александр Михайлович стер с лица веселье.

– Поговорить успеем. Для начала надо убедиться, что это труп Луизы Маковецкой. Иди к Маневину, жених весь извелся, мается с букетом!

Глава 3

– Как мы рады вас видеть! – возликовала щедро обвешанная бусами девушка, когда мы с Феликсом переступили порог агентства с оригинальным названием «Стрела Амура». – Где желаете сесть? На диванчик? У нас есть специальный для влюбленных. Как вы чудесно вместе смотрите! Я – Риточка. А вас как величать?

– Дарья и Феликс, – ответил Маневин.

Маргарита закатила глаза:

– Дашенька и Феликсюнчик! Очаровательно! У вас свадьба? Помолвка? Или деток жените?

– У нас через месяц бракосочетание, – остановил восторженную до тошноты девицу Маневин. – Вы в свое время организовывали праздник для моих приятелей, они остались очень довольны.

На лице девушки появилось выражение тревоги:

– Господи! Времени совсем нет!

– Вы не успеете подготовить торжество? – уточнил Феликс.

– Мы и за сутки управимся, – заверила Рита, – но что получится! Вы же не согласитесь веселиться в харчевне у вокзала? А все приличные рестораны заказываются за полгода.

Я посмотрела на Феликса:

– Вот и хорошо! Распишемся потихонечку, без помпы.

Маневин замялся:

– Не подумай, что я стараюсь ради Зои Игнатьевны, сам хочу белое платье и все прочее.

– Тебе очень пойдет наряд невесты, – хихикнула я.

– Спасибо, Маргарита, – поблагодарил Феликс, вставая.

– Вы куда? – встрепелась девушка. – Дашенька и Феликсюнчик, почему вы уходите? Мы лучшие на рынке, наши мероприятия самые шикарные, дадим вам десятипроцентную скидку.

– Мы опоздали сделать заказ, – пояснил Феликс, – значит, сами снимем какой-нибудь ресторан, и дело с концом.

Рита схватила за щеки:

– О нет! Вы не понимаете! Свадьба самое важное событие в жизни, ее организацию лучше доверить профессионалам. Есть масса тонкостей, о которых брачующиеся понятия не имеют. Гости, конечно, ничего вслух не скажут, выпьют, закусят, но потом протрезвеют и давай языками чесать, все ваши просчеты обмусолят. А вы потом пойдете к кому-нибудь на свадьбу, увидите, как у других она роскошно устроена, расстроитесь, начнете выяснять отношения, поругаетесь, разведетесь.

– Что вы предлагаете? – остановил Маргариту Маневин.

– Мы все сделаем, – защебетала она, – не переживайте, времени действительно нет, но будем работать со скоростью мысли. Дашенька, Феликсюнчик, усаживайтесь назад.

– Иначе сесть трудно, – вздохнула я, – зад именно для си-

дения приспособлен.

Маневин усмехнулся, а Рита закричала:

– Маркуша! Эвелиночка!

Две двери, расположенные в разных углах комнаты, распахнулись одновременно, появились парень и молодая женщина. Он был коротко стрижен, наряжен в безразмерный пуловер и кожаные обтягивающие брюки. На ней красовалось серо-розовое платье, ниже плеч свисала густая копна белокурых вьющихся волос.

– Познакомьтесь с Дашенькой и Феликсюнчиком, – пропела Рита, – у них через месяц главное торжество жизни.

– Времени маловато, – пробасила Эвелина.

– Не переживайте, – колокольчиком прозвенел Марк, – все супер получится.

Я разинула рот и еще раз внимательно осмотрела пару. У Эвелины на щеках видна слегка отросшая светлая щетина, и руки у нее излишне волосаты для женщины, а у Марка нигде нет ни малейших признаков растительности. Получается, что человек в платье не Эвелина, а Марк. Соответственно, коротко стриженный тип в кожаных штанах не мужчина, а женщина.

– Тема праздника уже определена? – поинтересовалась Эвелина.

– Цвет ясен? – прогудел Марк.

Мы с Феликсом переглянулись и одновременно воскликнули:

– Тема? Цвет?

Рита засияла ослепительно белоснежной улыбкой:

– Дашунечка, Феликсюнчик, вы, наверное, не часто бываете на свадьбах?

– Не очень, – призналась я.

– В последний раз я участвовал в этой церемонии сто лет назад в качестве жениха, – честно признался Маневин. – Тогда мы просто выпили в ресторане, и все.

– Ну это было давно, – заметила Рита. – Теперь все иначе, нынче бракосочетание – это спектакль, в котором участвуют и новобрачные, и гости. Главное, найти свою тему. Вот, например, вчера мы проводили церемонию для чудесной пары. Муж – владелец колбасного завода, жена работает флористом, поэтому торжество посвятили мясному производству, а главным цветом стал зеленый, мы оттолкнулись от профессий молодоженов. Получилось супер, всем сшили зеленые костюмы! Подружки невесты нарядились бужениной, родители – беконом, друзья жениха – бастурмой, остальные гости – сосисками-сардельками! Веселились до упаду.

– Зеленые сосиски-сардельки? – сказал Феликс. – Вспоминаются прилавки гастрономов советских лет.

– Вы кем работаете? – заинтересовалась Эвелина.

– Если в общих чертах, то я антрополог, – ответил Маневин.

– Здорово, – зааплодировала Эвелина, – больница! Отлично получится! Гостям халаты, пижамы, жениху – костюм для

операционной, стетоскоп, а невеста – медсестра! Обалдеть, как весело будет!

– Я не врач, – поправил ее Феликс.

Эвелина округлила глаза:

– Сами сказали, что наркоз даете.

– Он не анестезиолог, а антрополог, – поправила я.

– Очень интересно! – пробормотал Марк. – Вы связаны с космосом?

– Антропология – это наука о происхождении и развитии человека. Феликс – профессор, он пишет книги и читает лекции студентам, – пояснила я.

– Динозавры! – восхитилась Рита. – Оооо! Можно сшить костюмы ящеров.

Я опешила. Какой кривой дорогой бродят мысли девушки? При чем тут птеродактили и иже с ними?

– Для экономии наряды лучше взять напрокат, – предложила Эвелина.

Марк открыл свой ноутбук и начал в нем рыться.

– Нужен уютный ресторан, вкусная еда, музыка, и все, – уточнила я, – без карнавала.

Рита всплеснула руками, затем заговорила без передышки:

– Дашунечка! Я вас понимаю! Организация мероприятия – хлопотная штука, но есть мы. Вам понадобится куча мелочей и...

– Давайте пока, учитывая профессию жениха, опреде-

лим тему как «История человечества», – перебил Маргариту Марк.

– Вау! Супер, – запрыгала Эвелина, – такое будет впервые! Здорово! Свежо! Оригинально! Неизбито! Признаться, мне надоели все эти повторения голливудских фильмов, свадьбы в стиле Love is, гангстерские, мафиозные, королевские, ретро, Алиса в Стране чудес... Брр! А у вас так занято. Можно гостей макаками нарядить!

Марк закашлял, Рита захихикала.

– Что не так? – осеклась Эвелина. – Мы же все от обезьян произошли, верно? Закажем коричневые комбинезоны с хвостами! Ошизеть, что получится! Свежо! Ново! Салаты выложат в виде костей! Жених ведь в древних могилах раскопками занимается?

Перед моим мысленным взором предстала мартышка в белом платье с пышной юбкой, на голове у нее длинная кружевная фата, в одной лапе зажат букет, в другой бокал шампанского. Нижние конечности украшают туфли молочного цвета на тонких шпильках. Обезьяна делает шаг вперед, путается в подоле и падает прямо на стол, где громоздится многоярусный торт, сложенный из горы черепов.

Я потрясла головой, видение исчезло.

– Предлагаю поступить так, – говорил тем временем Марк, – я живенько набросаю канву основного сценария, потом сядем вместе и утрясем детали. О'кей?

– М-м-м, – промычал Феликс.

– Роскошно! – обрадовалась Рита. – По поводу рестораника не беспокойтесь. Мы знаем чудненькое местечко! С парком! Арка туда замечательно впишется.

– Арка? – не поняла я.

Маргарита схватила большой альбом:

– Теперь плавно переходим к обсуждению оформления мероприятия. Главное – цвет! Вы какой предпочитаете?

– Не знаю, – пробормотала я, – может, красный, он вроде олицетворяет любовь.

– Страсть! – поправила Рита. – А вы, господин профессор?

– Ну... черный, – промямлил Феликс.

– Красный и черный! – пришла в восторг Эвелина. – Необыкновенно! Свежо! Оригинально! Неизбито!

– Ага! И букет невесты в виде погребального венка, – схохмил Марк. – Красный и черный – похоронное сочетание. На свадьбе не должно быть никаких мрачных красок. Господин профессор, вы настаиваете на черном? Конечно, мы всегда идем навстречу пожеланиям клиентов, но все же прислушайтесь к совету лучшего оформителя торжеств России. Скажите депрессии «Нет!».

– Согласен на любой цвет, просто я люблю черные свитера, – стал оправдываться Феликс.

– Как вам розовый? – оживился Марк.

Мне стало обидно:

– А вкусы невесты организаторами не учитываются?

– Просто мы не успели у вас спросить, – замела хвостом Рита, – новобрачная всегда главная! Дашулечка, вам нравится красный? Нет-нет, пока не отвечайте, изучите альбомчики.

Маргарита начала перелистывать страницы.

– Рассказываю детали. Вы приезжаете на роскошной машинке. Автомобильчик надо будет выбрать. Выходите отсюда в шикарнейшем белом платье со шлейфом, фата с диадемочкой на голове. Если вы сами не сможете подобрать наряд, мы организуем покупку. Папочка берет вас под руку и ведет в зону выездной регистрации. Если отца нет, дадим его напрокат.

– То есть? – оторопел Феликс.

– У нас есть актеры, – пояснила Рита, – отец, мама, бабуля-дедуля, на любой вкус. Подберете достойного папулю.

– Распрекрасно обойдусь без эрзац-папаши, – засопровтивлялась я.

– О нет! – испугалась Эвелина. – Ужасно выходить в одиночестве к жениху! Вы почувствуете глубокий психологический дискомфорт. И что подумают гости? Невеста – безродная сирота? Вот у нас недавно брачевалась пара возрастных молодоженов: ей восемьдесят семь, ему девяносто. Мы им таких папочку-мамочку организовали! Пальчики оближешь! Правнуки от восторга рыдали!

У меня закружилась голова, а Рита не умолкала:

– Приглашения на свадьбу напечатаем, вам только дизайн

останется выбрать, сейчас на пике моды телескопические открытки, вертите их туда-сюда, и жених подмигивает или невеста подвязку снимает.

– Свежо! Оригинально! Ново! – подала голос Эвелина. – Неизбито!

– Комплименты гостям, – частила Маргарита, – печенюшки, конфетки, их на тарелки раскладывают. Не хотите еду, можно, например, свечки, мыло, носовые платочки, нельзя, чтобы люди уходили со свадьбы с пустыми руками. Теперь о выездной регистрации! Она, правда, ненастоящая, книгу записи актов нельзя выносить, но имитация будет полная. Тетя из загса подлинная сотрудница, вы будете стоять у арки, увитой цветами, никакой очереди в зал и ни одной беременной невесты в радиусе километра.

– Не понял? – встрепнулся Феликс. – Нас не распишут?

– Сбегаете утречком живенько в загс, черканете, где надо, свои фамилии и уйдете, – пропела Рита. – Ваш настоящий праздник состоится вечером. Шоу-программа! Приглашим любого исполнителя. Ведущий свадьбы на выбор. И почетный гость – тоже.

– Это кто? – ощущая тошноту, спросила я.

Рита одернула кофту:

– Некая знаменитость! Не скрою, она берет деньги за свой визит, но сколько радости людям! Вот недавно молодожены позвали великого российского репера Глэма. Вы его, конечно, знаете. Глэм спел пару песен, потом сел за стол, произ-

нес тост за родителей, был мил, приветлив, отработал гоно-
рар на все сто, даже остался на танцы, чего никто не ожидал,
со всеми фотографировался, раздавал автографы, очаровал
гостей. А вам кто нравится?

– Тамфтис или Джедепта², – пробормотал Феликс.

– Не слышала про него, – пригорюнилась Рита, – но, если
хотите, из-под земли его достанем.

– Не думаю, что это будет лучшим решением, – совершен-
но серьезно заметил Феликс. – Лучше Тамфтиса из-под зем-
ли не вытаскивать.

– Дашунечка, а вы кого из звезд предпочитаете? – вспом-
нила про невесту Рита.

– Шерлока Холмса, – не моргнув глазом, высказался рань-
ше меня Маневин.

– Расчудесненько, – забила в ладоши Маргарита, – в два
счета его приведем. Это проще простого, вроде он недавно
в кино снимался.

– Учитывая профессию жениха, в качестве ВИП-гостя мо-
жет присутствовать обезьянка, – смущенно предложила Эве-
лина. – Они такие милые, сладенькие. Получится свежо! Но-
во! Неизбито! Макачка станцует, поет.

Маргарита решила проигнорировать замечание коллеги.

– Меню ужина составим, танец молодоженов отрепетиру-

---

² Тамфтис – эллинизированная форма имени египетского фараона, правление которого относится к IV династии (Древнее царство). Его имя еще звучало как Джедепта.

ем, бармена наймем, букет невесты подберем, жениха стягивать зубами подвязку научим.

– Что я должен буду делать? – опешил профессор.

– Пустячок, вы элементарно с этим справитесь, – пообещала Маргарита. – Это традиция. Невеста бросает подружкам букет, а жених подвязку с ноги любимой, но ее надо предварительно стянуть зубами.

– Да? – без особого восторга спросил Феликс. – Может, обойдемся без... э... этого... шага?

– Тогда брак не будет крепким, – пообещала Эвелина. – Вот от выкупа невесты можно отказаться!

– Отлично, – сказал Феликс.

Марк откашлялся:

– Сценарий пишу я, поэтому у меня к вам пара простых вопросов. Каравай кусаем? Тещу с банкой меда выводим? На ковер наступаем?

Мы с Маневиным переглянулись.

– Лучше не надо, – сказала я, понятия не имея, что Марк имеет в виду.

Маргарита закатила глаза:

– О'кей! Поняли! Свадьба не по-русски, а по-европейски. Но с нашим уклоном. Ооо! Поставим на стол самовар с шампанским! Он шикарно будет смотреться.

– Нет, – испугалась я, – китча не надо!

Рита нежно заулыбалась:

– Дашунечка, Феликсюнчик, есть некие приметы, если вы

мечтаете о долгой совместной жизни, их надо соблюсти. Я понимаю, вы люди образованные, интеллигентные, не полудурки, но, поверьте нашему опыту, мы пятнадцать лет в брачном бизнесе. Кусать каравай – глупость. Теща с банкой меда вообще никому не нужна. А вот букет, подвязка и фидхтинг обязательны, в противном случае счастья не будет. Понимаете, деньги на мероприятие фиксированные, желаете вы швырять цветы – не желаете, цена не изменится, нам-то меньше хлопот, если вы откажетесь от швыряния букетика, подвязочки и фидхтинга. Но мы очень хотим, чтобы вы долго и хорошо жили вместе, потому и настаиваем.

Я сказала:

– Спасибо. Извините нас. Мы не в курсе современных свадебных традиций и чувствуем себя немного не в своей тарелке.

– Гениально держитесь, – похвалила нас Эвелина. – Другие истерят, предметами швыряются, в особенности когда бюджет обсуждаем.

– Кстати, о деньгах, – оживилась я. – В какую сумму выливается мероприятие?

– Все зависит от вас, – ответил Марк. – Что предпочитаете: винегрет с килькой или лобстер с ризотто? Какой VIP-гость? Какие приглашения печатаем? Украшаем зал по полной программе или ставим по убогой ромашке на каждый стол.

Меня стало покачивать.

– Девичник где проводим? Мальчишник? – не утихал парень. – Лимузин заказываем или «Жигули»? Давайте начнем с другого конца. Вы какой суммой располагаете?

– Даша, у тебя тушь потекла, – сказал Феликс.

– Ой, Дашунечка, правда, – засуетилась Рита, – еще в глазки попадет. Идите скорей, умойтесь. Эви, отведи Дашуленьку в туалетик.

Глава 4

Застыв у большого зеркала, я пыталась рассмотреть свое отражение. Кто-нибудь может объяснить, почему во многих кафе и офисах в сортирах теперь царит полумрак? Думается, здесь нужен яркий свет, иначе как попудрить носик?

– У вас замечательный жених, – тараторила Эвелина, – красивый, умный, богатый, влюбленный и деликатный. Не хочет вас материальными вопросами грузить, сам их решает.

Я отошла от умывальника.

– Я попала на его удочку! Совсем забыла, что не красила сегодня ресницы! Полагаете, Феликс решил под благовидным предлогом удалить меня, чтобы обсудить бюджет свадьбы?

– Конечно, – улыбнулась Эвелина, – вам повезло, держитесь за него покрепче. И будьте осторожны: вокруг полно хищниц, готовых увести чужого мужчину.

– Если жениха легко отбить, то не стоит за него идти замуж, – пожалала я плечами. – Это так же глупо, как расписываться с алкоголиком-наркоманом-садистом и думать, что непременно перевоспитаешь его. Сколько ни старайся, как ни следи за бабником, но его около себя не удержишь и рюмку-шприц у тех, кто страдает зависимостью, не отберешь. На свете много нормальных мужчин, к чему связывать свою жизнь с проблемным?

– Ну... любовь зла, полюбишь и козла, – высказалась Эвелина.

– Если девушка коза, то ей с ним будет хорошо, – улыбнулась я. – Вообще-то на плохих мальчиков обращают внимание девочки с комплексом неполноценности, они считают, что не могут понравиться успешному, достойному человеку, и подбирают шелуху от семечек.

– Вы очень разумно рассуждаете, – с легкой укоризной произнесла Эвелина. – Как правило, невесты перед свадьбой теряют голову.

Я вытерла руки бумажным полотенцем и пошла к Феликсу. Нет никакого смысла объяснять Эвелине, что настоящая любовь не имеет ничего общего с ревностью и желанием превратить супруга в свою собственность. Я выхожу за Феликса замуж, а не покупаю его на рынке рабов. И устраивать слишком пышный праздник ни у него, ни у меня желания нет, шумное торжество организовывается ради Зои Игнатьевны, бабушки Маневина. Она является владельцем и ректором Института проблем человеческого воспитания. Самым большим грехом она считает появление на вечернем приеме в обыденных брюках и футболке. Когда мы сообщили ей о том, что отнесли заявление в загс, Зоя воскликнула: «Свадьба Феликса – огромное событие, надо позвать достойных людей, всех желающих принять участие в торжестве приглашать ни в коем случае нельзя. Дашенька, вы же не хотите видеть на свадьбе кучу постороннего народа?» Я безмерно об-

радовалась. Мне казалось, что Зоя Игнатьевна мечтает превратить свадьбу внука в пышное светское мероприятие, и вдруг – такая речь! Но тут она добавила:

– Человек триста пригласите, и хватит.

Ну вот! Неужели придется закатывать пир на весь мир? Только не подумайте, будто бабушка испытывает к Феликсу и его матери, своей дочери Глории, огромную любовь, поэтому жаждет организовать невероятную церемонию. Нет, все дело в правилах приличия. Что скажут люди, если внук ректора Института проблем человеческого воспитания, поставив штамп в паспорте, отправится с молодой женой в ближайшее кафе попить чаю с пирожными? Это невозможно, потому что это эпатаж, нарушение всех норм и правил, это ужас, катастрофа, это хуже, чем тайфун! Это... это... просто нет слов!

Мы с Феликсом хором заявили: пышного торжества не планируем. Зоя Игнатьевна намекнула жениху, что он, будучи внуком женщины, которая является образцом хорошего вкуса, прекрасного воспитания и поведения, не имеет права замять праздник. Свадьба Маневина просто обязана стать хитом светского сезона!

Но мы держались стойко, делали вид, что не понимаем, о чем ведет речь старуха.

Намеки превратились в прямые высказывания, а мы продолжали прикидываться патологическими идиотами. Мы надеялись, что Зоя отстанет. Но нет! Она упорна, умеет доби-

ваться своего и на пути к цели не стесняется применять шантаж. Положение усугублялось еще и тем, что сейчас все Маневины живут в Ложкине, они погорельцы³. Чтобы приобрести им новые квартиры, Феликс был вынужден поехать за границу на заработки, но сейчас он вернулся, купил матери и бабушке отличное жилье, где вот-вот начнется ремонт. Поняв, что мы не планируем торжества, Зоя принялась азартно и откровенно объяснять, каким губительным для ее бизнеса является наше решение.

– Подумайте, каково мне будет вести цикл лекций «Правильное поведение на свадьбе», если вы прибежите в загс в джинсах, а затем направитесь пешком в сетевую харчевню! – возмущалась дама.

Мы стойко выдержали и эту атаку, тогда Зоя сменила тактику, она перестала наседать на внука, начала нападать на дочь:

– Глория! Осознай свою вину! Ты не занималась воспитанием мальчика! Немедленно вели ему сыграть свадьбу по-человечески. Это наименьшее, что ты можешь сделать для меня за заботу, ласку и внимание, полученные тобой в полной мере, надо быть благодарной за мою неисчерпаемую любовь к тебе.

Последнее замечание было полнейшей ложью. Зоя Игнатьевна не испытывает к Лори ни малейшей привязанности.

---

³ Подробно о пожаре читайте в книге Дарьи Донцовой «Медовое путешествие втроем», издательство «Эксмо».

Зато старуха мастерски умеет взрастить в окружающих глубокое чувство вины. Лори краснела, бледнела, но не подходила к нам с разговором о свадьбе. Поверьте, это было героическим поведением. Глория никогда не могла противостоять своей авторитарной матери, но тут держалась стойко. И я дрогнула! Мне стало жалко будущую свекровь, которая успела стать моей подругой, поэтому я сказала Феликсу:

– Давай устроим свадебный прием!

– Хочешь видеть толпу незнакомых гостей и слушать вопли «горько»? – удивился Маневин.

– Нет, – призналась я.

– Тогда зачем нам этот геморрой? – пожал плечами Феликс.

– Зоя съест Лори, – вздохнула я.

Феликс обнял меня:

– Даша, если протянуть бабушке конфетку, она оторвет ее вместе с рукой, а потом сожрет всю коробку шоколада и тебя вместе с ней. Нет уж! Я не намерен плясать под дудку старухи и очень жалею, что согласился привезти Зою в Ложкино. Ну ничего, сделаю ремонт в рекордно короткий срок, и ты наконец-то избавишься от докучливых гостей.

Поняв, что она терпит неудачу на всех флангах, Зоя Игнатьевна ввела в бой запасную дивизию. Две недели назад ее прямо из института увезли в больницу. Ясное дело, услышав о болезни пожилой дамы, вся семья, побросав дела, ринулась в клинику и выстроилась вокруг кровати, на которой в рос-

кошной кружевной сорочке возлежала Зоя.

– Больную ни в коем случае нельзя волновать, – шепотом предупредил врач. – У нее предынсультное состояние. Сообщайте ей исключительно положительные новости.

– Спасибо, доктор, – слабым голосом пролепетала старуха. – Оставьте нас, я хочу озвучить близким свою последнюю волю.

– Мама, – всхлипнула Лори, – ты еще сто лет проживешь.

– Нет, – простонала Зоя, – пришел мой последний час. Завещание у адвоката, там все распоряжения.

Феликс наклонился и поцеловал Зою:

– Бабуля, ты выздоровеешь!

– Очень трудно встать на ноги, когда начисто потерян интерес и вкус к жизни, – прошептала Зоя Игнатьевна.

– Мамулечка! – зарыдала Лори. – Как нам вернуть тебе хорошее настроение и радость бытия?

Ректор Института проблем человеческого воспитания цепко схватила Феликса за руку:

– Дорогой, если ты пообещаешь отпраздновать свою свадьбу так, как положено, я постараюсь не умереть. В противном случае не найду в себе сил для восстановления здоровья.

Мне захотелось придушить ее, Феликс покраснел, а Лори тут же закричала:

– Ну, конечно, мамочка, Феля на все ради тебя согласен! Правда, милый?

И что оставалось делать Маневину? Естественно, он по-

нял, что стал объектом банального шантажа. Есть у меня одна сорокалетняя подруга по имени Лена. Всякий раз, когда она собирается пойти с кавалером в кино, театр или ресторан, у ее матери случается приступ аритмии. Ленка пугается, вызывает «Скорую», свидание, конечно, отменяется. Пока машина с красным крестом пробирается по пробкам, сердце матери начинает биться нормально, и доктора, разводя руками, говорят: «Не волнуйте маму, любая плохая новость вызовет у нее новый приступ». Один раз я не выдержала и сказала Лене:

– Извини, но мне кажется, что твоя мать не так уж тяжело больна.

– Понимаю, – горько вздохнула подруга. – Она просто боится, что я выйду замуж и забуду про нее.

– Зачем тогда ты ведешься на шантаж? – удивилась я.

Лена пожала плечами:

– Каждый раз, когда она валится на диван, я думаю: «Ну уж нет! Сегодня ей не удастся разрушить мою личную жизнь. Сейчас спокойно уйду, я имею полное право на женское счастье». Потом возникает мысль: «Вдруг ей действительно плохо? Она постоянно прикидывалась, а сейчас на самом деле аритмия началась?» И я бегу вызывать врачей.

Феликс поступил, как Лена: он пообещал бабушке устроить пышную свадьбу. Услышав слова внука, Зоя Игнатьевна попросила обед, к полднику встала, а на следующий день вернулась домой и дала Маневину список самых близких лю-

дей, коих непременно надо позвать на торжество. Их оказалось около трехсот человек, и двести девяносто из них ни Феликс, ни я не знали.

– Я идиот! – резюмировал мой жених, показывая мне листок, на котором каллиграфическим почерком ректора были написаны фамилии.

– Нас просто вынудили согласиться, – попыталась я его успокоить. – Давай станем всем говорить, что очень хотим устроить грандиозный праздник. Повторим раз сто, сами поверим в это, и нам станет легче.

Вот почему у нас на подготовку осталось мало времени, и вот по какой причине мы обратились в агентство. Свадьба должна потрясти приглашенных своей пышностью и великолепием.

– Мы уже обо всем договорились! – зачирикала Рита, когда мы с Эвелиной вернулись из туалета. – Я буду вашим координатором.

– Оо-оо! – захлопала в ладоши моя спутница. – Вы даже не понимаете, как вам повезло!

– Дашенька, – засветилась радостной улыбкой Маргарита, – папочка приедет сегодня вечером к вам домой.

– Кто? – удивилась я.

Рита похлопала ладонью по толстому альбому:

– Поскольку вы сирота, я подобрала вам прекрасного отца. Настоящий полковник, без обмана. Умеет петь, танцевать, шутить. Поверьте, Петр Андреевич – украшение любо-

го праздника. Все, кого он к арке подводил, живут счастливо. Бухтин наш лучший отец, он, как олимпийский мишка, приносит удачу, очень ответственно подходит к работе. Петр заранее селится у невесты, и все получается лучше некуда.

– Это еще зачем? – весьма невежливоотреагировала я и буркнула себе под нос: – Есть уже у нас в семье один полковник, второго точно не надо.

– Петру нужно познакомиться с дочкой, а вам привыкнуть к папеньке, – пустилась в объяснения Рита. – Гости должны поверить, что он ваш отец. Есть маленькие детальки, способные испортить вам настроение в самый главный день жизни. Папочка возьмет вас под руку, а вы передернетесь от его прикосновения, или вас затошнит от запаха отцовского одеколona, не понравятся его прическа, костюм, покоробит от его тоста! Надо тщательно обсудить любые мелочи. Поверьте, Петр лучший кандидат, он еще никого не подвел, готов ради вашего хорошего настроения на все. Вам понравится папаша, который будет травить пошлые анекдоты и вытирать нос кулаком?

– Нет, – ответила я.

– Вот! А некоторые придут в восторг от скабрeзных шуточек! Как же папеньке понять, что вы от него хотите? – продолжила Рита. – Надо изучить друг друга.

– Ладно, – сдалась я, – пусть прикатывает, свободная комната есть.

– Если быстренько с Петром Андреевичем поладите, он

всего недельку у вас поживет. Иногда требуется большой срок для единения душ. Но вы умница, – начала нахваливать меня Эвелина, – завтрачка вечером поедем с вами за платьем, примерим причесочку, макияжик.

– Нет, нет, – возразила Рита. – Эви, не вмешивайся, координатор я. В салон за нарядом отправимся завтра, а вот с волосами и лицом разберемся во время репетиции свадьбы.

Мы с Феликсом одновременно подпрыгнули:

– Что?

– Церемонию необходимо прогнать от начала до конца, – пояснила Эвелина, – иначе в самый торжественный день вашей жизни что-нибудь может не сложиться.

– И гости на репетицию приедут? – ужаснулся Маневин.

– Нет, – успокоила его Рита, – только основные действующие лица, вы, папенька, ведущий. Не переживайте, мы все устроим. Дашунечка, завтра в восемь вечера готовы ехать за платьем?

Я посмотрела на Феликса:

– Ты как?

– Ммм, – промычал Маневин, – мне придется отменить одну встречу.

Маргарита округлила глаза.

– Дашунечка! Жениха ни в коем случае нельзя звать в салон. Он не должен до свадьбы видеть ваш наряд!

– Почему? – задал резонный вопрос Феликс. – Вдруг он мне не понравится?

Рита с изумлением посмотрела на Маневина:

– Феликсюнчик! Неужели Дашунечку может испортить платье? Положитесь на меня, наряд будет лучшим. Феликсюнчик, вы умный человек, не станете капризничать. Феликсашечка! Увидеть до свадьбы, как невеста облачается в подвенечное платье... это... это... не знаю, что может быть хуже!

– Только встретить бабу с пустыми ведрами, выходя из нашего агентства, – подсказала Эвелина.

– Этого не случится, – рассмеялась Маргарита, – в Москве давно нет колодцев. Еще вспомни про черную кошку на пороге дома суженой и куклу, которая девушкам красоту портит.

Глава 5

– Ты жив? – спросила я у Феликса в лифте.

– Вроде да, – кивнул он. – Не предполагал, что современная свадьба настолько суровое мероприятие. Когда я женился на Насте, все было иначе: мы приехали в загс, выпили там шампанского и отправились в ресторан. Ни арок, ни специального украшения зала, ни шатра, ни подарков для гостей, и о репетиции этого безобразия речи не было.

– Я тоже ранее обходилась без особых ухищрений, – пробормотала я, – и белого платья в пол с фатой и диадемой ни разу не надевала.

– Уверен, это все тебе очень пойдет, – улыбнулся Феликс, – я тебя люблю. И никакая ужасная свадьба не помешает нам быть счастливыми. Слушай, что такое фидхтинг? Постеснялся спросить у Маргариты.

– Понятия не имею, – призналась я, – но тоже не решилась уточнить, наверное, мы произвели на сотрудников агентства сногшибательное впечатление.

– Фидхтинг... – протянул жених. – Наверное, это танец.

Я хотела поцеловать Феликса, но тут двери кабины раздвинулись.

– Ты сейчас в какие края? – спросил Маневин.

– Надо кое-куда съездить, – отмахнулась я, – сделать мелкие покупки.

Нехорошо врать человеку, за которого собираешься замуж, но я вовсе не собираюсь рассказывать ему о поисках Полины, которая, прикинувшись инвалидом, приехала в Ложкино и обокрала нас⁴. Мне очень хотелось отыскать воровку, но я о ней ничего не знала, кроме того, что сообщила о себе сама врунья. Я собиралась забыть о желании наказать противную девчонку, но мне неожиданно повезло, я увидела ее, когда она, выйдя из какого-то магазина, садилась в машину. Не стану описывать, как по ее номеру я нашла владельца автомобиля, узнала, что он бомбила и посадил пакостницу у салона красоты. Я ринулась туда, поболтала с девушкой на рецепшене, та за мзду пообещала сообщить, когда клиентка опять запишется на педикюр... В общем, сейчас у меня есть адрес, по которому зарегистрирована Полина Чумичева. Весьма странно, но преступница назвала мне свое настоящее имя. Кроме Полины в квартире еще прописан Пантелеймон Федорович Чумичев, скорее всего, это ее дед и вряд ли по вечерам он носится по клубам. Если я не застаю Полину дома, то расскажу ее деду правду о внучке и потребую, чтобы она вернула украденное.

Маневину не понравится моя затея, он будет нервничать, говорить, что украденные вещи давно отправлены в скупку, лучше забыть о происшедшем, сделать выводы и не привозить никогда в Ложкино незнакомцев. Нет, Маневину ради

---

⁴ История с Полиной описана в книге Дарьи Донцовой «Приват-танец мисс Марпл», издательство «Эксмо».

его же спокойствия лучше и не сообщать о моих планах.

– Ну а я в институт, – сообщил Феликс, – у меня лекция у вечерников, домой приеду не раньше одиннадцати.

– Здорово! – воскликнула я и прикусила язык.

Как-то нехорошо радоваться, услышав о задержке любимого на работе.

Маневин рассмеялся:

– Вот за это я тебя и люблю! Никогда не врешь, говоришь, что думаешь. Весьма редкое в наше время качество.

Я смутилась: да нет, я вполне способна солгать. Феликс меня идеализирует. С другой стороны, я привираю по мелочам, исключительно из желания не нервировать будущего мужа.

Маневин распахнул дверь, я вышла на улицу и обрадовалась хорошей погоде.

– Твоя машина на стоянке у супермаркета, – сказал Феликс.

Я улыбнулась:

– «Букашка» в Ложкине. Забыл, что ты встретил меня в Шереметьеве и мы поехали в агентство в твоём джипе? Поеду на метро, такси брать не хочу, подземкой быстрее доберусь.

Маневин протянул мне брелок:

– Малолитражку пригнали сюда. Извини, пришлось поставить ее у магазина, ближе свободного места не нашлось.

Я взяла ключ, а Феликс продолжал:

– Я не хотел, чтобы ты тащилась на такси или толкалась в метро, вот и решил вопрос.

– Спасибо, – обрадовалась я, – очень приятный сюрприз.

– Молодые люди, где тут рынок? – спросил высокий голос. Я обернулась.

Чуть поодаль от нас стояла тетка в очень коротком и узком летнем платье. На носу у нее сидели большие очки с темными стеклами, голову покрывал шелковый платок кислотно-розового цвета, в руках незнакомка держала два здоровенных оцинкованных порожних ведра. В моей голове зазвучал голос Эвелины: «Хуже только встретить на пороге нашего агентства бабу с пустыми ведрами».

Маневин пришел в себя первым:

– Рынок? Понятия не имеем, где он находится, живем в другом районе. Но уже вечер, наверное, все фермеры по домам разъехались.

– Эх, жаль, – вздохнула баба. – Картошечки прикупить собралась, свеколки, морковки. Да вы никак жениться собрались?

Ко мне вернулся дар речи:

– Как вы догадались?

– Так вывеска! – заржала тетка. – Агентство по организации свадеб «Стрела Амура». Эх, не в добрый час я вам с пустыми бадьями попалась. Плохая примета!

Высказавшись, она схватила ведра и, громохая ими, удалилась.

Маневин обнял меня за плечи:

– Ты же не веришь в эти глупости?

– Конечно нет, – фыркнула я и, помахав ему рукой, поспешила к супермаркету.

* * *

Квартира, где была прописана воровка, находилась в самом центре Москвы в большом старом доме, в котором недавно сделали ремонт. Раньше здесь, вероятно, были коммуналки, но сейчас около вызывающе роскошной подъездной двери, украшенной затейливой резьбой, висело всего пять табличек-звонков. Я подняла голову. Вот вам и бедная девушка, сирота из провинции! Полина живет в апартаментах, которые занимают целый этаж, и у нее есть родственник. Я нажала пальцем на табличку с цифрой «четыре».

– Кто там? – весело пропел девичий голосок.

От радости я чуть не запрыгала у подъезда. Пакостница дома! Ну, сейчас тебе будет сюрприз!

– Здравствуйте, – проворковала я, – мне нужен Пантелеймон Федорович.

– Проходите, пожалуйста, – раздалось из домофона.

Я вошла в подъезд, пол и стены которого были выложены мрамором, и сказала охраннику:

– Мне к Чумичеву.

– Лифт справа, – услужливо уточнил он. – Не бойтесь, ка-

бина в стиле ретро, но установлена совсем недавно, спецзаказ для этого дома, механизм надежный.

Дверь в нужную квартиру оказалась приоткрытой, на пороге стояла полненькая шатенка в синем балахоне, ее темные волосы спускались ниже плеч, на носу красовались очки в черепаховой оправе.

– Простите, а вы кто? – удивилась она.

– Дарья Васильева, – представилась я.

– Я думала, это Нина Федоровна звонит, – пробормотала незнакомка. – Она должна была подойти. Дедушка с незнакомыми не разговаривает.

– Вообще-то мне нужна Полина Чумичева, – сказала я. – Она дома?

– Да, это я, – ответила хозяйка.

– Вы Полина Чумичева? – переспросила я. – Интересно. У вас случайно нет сестры? Тоже Полины?

– Я единственная дочь у родителей, – ответила шатенка. – Объясните, что происходит? Заходите в холл, садитесь на диван.

Я быстро рассказала про воровку. Полина вздохнула:

– Это ужасно! Я учусь на историческом факультете, грабежами не занимаюсь. Не люблю хвастаться материальным положением своей семьи, но посмотрите вокруг. Как вы думаете, нужно мне воровать, чтобы обзавестись деньгами?

– Полагаю, нет, – вздохнула я, бросив взгляд на дорогую мебель и люстру. – Можете предположить, кто называется

вашим именем?

– Понятия не имею, – отозвалась Полина. – Единственное, что приходит в голову, – это потеря паспорта. Он лежал в сумочке, я пошла в супермаркет, повесила ее на ручку тележки, отвлеклась, выбирая продукты и – упс! Осталась без любимого аксессуара, в нем были кошелек, документы, косметика...

– Извините, пожалуйста, – пробормотала я.

– Вы ни в чем не виноваты, – возразила Полина. – Жаль, что стали жертвой мошенницы. Надеюсь, вам удастся ее найти!

– Безнадежное дело, – грустно сказала я. – Когда воровка исчезла, мне стало понятно, что она останется безнаказанной. Единственное, что мне было о ней известно, это имя и название города, из которого девица якобы приехала в столицу. Но я поняла, что преступница не станет честно представляться. А потом случайно столкнулась с мерзавкой на улице и решила, что не все потеряно.

– Забудьте о ней, – посоветовала Полина, – не трепите себе нервы пустыми поисками.

У меня в кармане брюк зазвенел мобильный.

– Спасибо, последую вашему совету, еще раз прошу извинить за беспокойство, – скороговоркой сказала я и пошла к лифту, прижав трубку к уху.

Глава 6

– Это действительно Луиза Маковецкая, – забыв поздороваться, сообщил Дегтярев, – эксперт подтвердил ее личность.

– Хотя я и сама так подумала, но верится с трудом, – воскликнула я. – Где она пропадала пять лет?

– Паспорт у Луизы на имя Людмилы Бритвиной, – сказал Александр Михайлович, – тридцати трех лет от роду, уроженки города Прунск Ленинградской области, она после окончания школы уехала в Москву, пыталась поступить в театральное училище, но срезалась.

– Получается, Бритвина по документам старше Луизы, – отметила я.

– На пару лет, не принципиальная разница, – высказал свое мнение полковник. – Но как это могло случиться? Отец говорил, что слышал выстрел и крик дочери.

Вопрос Дегтярева меня удивил. Видно, он здорово разнервничался, раз задал его. Я пустилась в объяснения:

– Сергей Петрович не видел тела своей дочери. Не исключена возможность, что пистолет зарядили холостыми патронами, направили на девушку, та от ужаса заорала, затем ба-бах! И телефонная связь прервалась. Кто-то хотел, чтобы Маковецкий считал свою дочь покойницей, и преуспел в этом. Правильно ли я помню, но, когда Сергею Петрови-

чу позвонил похититель, он включил громкую связь, записал весь разговор и выстрел, а потом кинулся в полицию. Эксперты установили, что кричавшая женщина на самом деле Луиза. А вот узнать, кто звонил ее отцу, оказалось невозможно.

– Я не Господь Бог! – взвился Дегтярев. – Выяснил, что вызов Маковецкому поступил с мобильного номера, его за день до этого купил Иван Андреевич Кузнецов на Горбушке. Продавец, когда на него нажали, признался, что паспорт у клиента не смотрел, тот сказал, что забыл его дома, но помнит свои данные. Дальше продолжать?

– Не надо, понятно же, что покупатель все наврал, выдумал и номер паспорта, и серию, и прописку, и никакой он не Кузнецов, – остановила я полковника. – Значит, Луизу не убили. Но где она пропадала пять лет?

– Даже если ты сто раз повторишь этот вопрос, я ничего ответить не смогу, – огрызнулся Дегтярев. – Отстань от меня! Перестань звонить с идиотскими вопросами.

– Это ты мне сейчас звякнул, – напомнила я.

В трубке повисла тишина, потом полковник протянул:

– У меня к тебе просьба. Можешь слетать в Париж?

– Я только что вернулась оттуда, – удивилась я. – Зачем мне опять во Францию?

– Людмила Бритвина, завалив экзамены в вуз, куда-то пропала, домой не возвращалась, в Москве не регистрировалась. Ничего удивительного, небось снимала комнату и ра-

ботала, получая зарплату наличкой. Но пять лет назад она прописалась в доме под снос в Башкирском переулке, – пустился в объяснения Дегтярев, – и очень скоро вышла замуж за парижанина Поля Эвиара. Он владелец сувенирной лавки, обитает в том же доме, где расположен магазин. Мне кажется, странно жить там, где работаешь.

– Это не удивительно для Парижа, – перебила я полковника. – Мелкие лавочники и рестораторы, как правило, имеют квартиры над своими заведениями. На первом этаже – кафе на десять столиков, на втором – личные апартаменты. Жена на кухне, ее сестра в зале с подносом бегают, мать на кассе, дети полы моют, овощи режут, хлеб из булочной притаскивают. Маленький семейный бизнес, на нем вся Франция стоит.

– Живет Эвиар на... сейчас прочитаю... на Рюе Саинт Андре дез артс, – с трудом выговорил Дегтярев.

– Ты мой позор и полная педагогическая Березина, – засмеялась я.

– При чем тут дрезина? – удивился полковник.

– Березина, – повторила я. – На этой реке на территории Белоруссии Наполеон потерпел сокрушительное поражение, точь-в-точь, как я с тобой, когда пыталась вбить тебе в голову зачатки знаний по французскому языку. Улица называется Сент-Андре дез Ар⁵. Коротенькое слово «gue», которое ты прочитал как «руе», произносится «рю» и в переводе озна-

---

⁵ Rue Saint-André-des-Arts.

чает «улица».

– Хватит умничать, лучше скажи, знаешь где это? – вскипел Дегтярев.

– Конечно, – ответила я, – это шестой округ, около метро Одеон. Улица идет сначала параллельно бульвару Сен-Жермен, потом изгибается и выходит к очень красивому фонтану, за ним много греческих и арабских ресторанчиков. Улочка старая, застроена зданиями семнадцатого-восемнадцатого веков. В том районе много интересного, например, двор Коммерс Сент-Андре⁶, там в доме восемь находилась типография, в которой печатал листовки Марат. А в доме девять врач Гильотен испытывал на животных первый действующий экземпляр изобретенной им гильотины.

– Избавь меня от лекций по истории, – зашипел Дегтярев. – Представляешь, сколько времени пройдет, пока мой запрос о Бритвиной доползет до Парижа, и как долго придется ждать ответ на него?

– Французы неторопливы, – согласилась я. – Люди, никогда не бывавшие в этой стране, считают, что там идеальный сервис, но они ошибаются. На обед в парижском ресторанчике потребуется часа полтора, мне всегда хочется треснуть официантку, которая двигается, как сонная муха. Кстати, если желаешь вкусно поесть в Париже, то в районе улицы Сент-Андре дез Ар есть трактирчик «Якобинка», а на улице Мазарини – «Пицца Цезарь»! Ммм! Там так кормят! И, кстати,

---

⁶ Cour de la Commerce Saint-André.

очень быстро обслуживают, за сорок минут управишься. Но не советую заглядывать в расположенный неподалеку «Прокон», он считается старейшим заведением Парижа, весь увешан фотографиями посещавших его знаменитостей, однако готовят там гадостно, а весь обслуживающий персонал состоит из ровесников великого французского романиста Оноре де Бальзака, говорят, он в девятнадцатом веке слыл завсегдатаем сего заведения. Слушай, почему бы тебе самому не слетать в Париж? Шереметьево – рукой подать от Ложкина, время в пути три часа с минутами, есть рейс в семь двадцать пять утра, обратно можно сесть на тот, что приземляется в Москве в двадцать три сорок пять. Тебе даже гостиница не понадобится.

– Издеваешься, да? – возмутился Дегтярев. – У меня нет визы, командировку за границу у начальника не выпрошу, и я не говорю по-французски. А вот ты обладаешь всем необходимым. Дашенька, дорогая, ты большая умница, все живенько выяснишь, без тебя, солнышко, я не справлюсь. Если б Жорж не ушел в отставку и не улетел на эти чертовы острова, я бы мог... Хотя нет! Мне по рабочим вопросам с Перье без тебя не договориться.

Я молча слушала полковника. Наш с ним друг, комиссар полиции Жорж Перье⁷, два года назад вышел по состоянию здоровья на пенсию, купил дом в теплой стране, живет те-

---

⁷ О том, как Даша познакомилась с Жоржем, написано в книге Дарьи Донцовой «Крутые наследники», издательство «Эксмо».

перь далеко от Парижа на океане и, кстати говоря, стал хорошо себя чувствовать. Ох, как Дегтяреву нужно, чтобы я смоталась в страну трех мушкетеров. Сейчас он меня называет «Дашенькой, Дашулечкой, солнышком».

– Ну, не даются мне иностранные языки! – воскликнул толстяк. – Они у меня в голове не укладываются.

Мне стало смешно, а полковник продолжал:

– Смотаешься за денек туда-сюда, если не успеешь, переночуешь дома. С Манюней пообщаешься, с Зайкой потрепелешься, Хуча погладишь!

– Маша улетела по работе в Нью-Йорк, Зая с близнецами отправилась в Лондон, детей собираются учить в Англии, – остановила я приятеля. – Давай обсудим, что я получу, если помогу тебе?

– Все! – выпалил полковник.

– Да ну? – усомнилась я.

– Все, в разумных пределах, – быстро дал задний ход Александр Михайлович.

– Ладно, – милостиво согласилась я, – билеты в бизнес-класс всегда есть на любой рейс. Так и быть, помогу тебе. Теперь объясни, что мне надо сделать.

* * *

Магазин Поля Эвиара смахивал на мышиную норку. Но в крохотном помещении владелец ухитрился разместить ку-

чу товаров. Стены были увешаны плюшевыми и картонными головами разных животных. Недавно в Европу пришла мода вешать в библиотеках и гостиницах имитации охотничьих трофеев. В витринах, стоявших в лавке, теснились магниты в виде круассанов, бутылок вина и тарелок сыра; пластмассовые кружки, кошельки, коробочки, записные книжки, косметички, перчатки, на стойках висели футболки, кепки, фартуки – все с надписями «Paris». Несколько китайских туристов в белых панاماх, коротких брючках и сандалиях, надетых на серые носочки, с упоением рылись в большой корзине, из которой торчал флажок «2 евро». Я протиснулась между вертящимися стойками с открытками, подошла к кассе и улыбнулась худенькой рыжей женщине в ярко-зеленом платье:

– Бонжур, мадам!

Она окинула меня взглядом, поняла, что перед ней не туристка, и ответила:

– Бонжур, мадам.

– Простите, это дом семнадцать? – продолжила я.

– О да, – кивнула женщина. – Если ищите кабинет доктора Пасати, то надо повернуть за угол нашего магазина. К врачу вход с другой улицы, вечно все путают.

– Спасибо, мадам, я разыскиваю месье Эвиара, – уточнила я.

Лицо продавщицы вытянулось.

– Месье Поля Эвиара, – добавила я, – вроде он владелец

этой торговой точки.

Небольшая дверка за спиной кассирши приоткрылась, появилась девочка лет тринадцати-четырнадцати.

– Мама! Роже разорвал мою тетрадь по математике!

– Я занята, Мари, и лучше вам с братом не скандалить, – поморщилась продавщица.

– Мне с ним что, целоваться? – возмутилась дочь. – Он первый начал! Вечно ты его защищаешь! Оооо! Блокнотики с кошками! Их вчера не было! Можно взять?

– Один! – предупредила мать. – Не больше!

Девочка начала перебирать товар, продавщица взглянула на меня.

– Месье Поль Эвиар, – повторила я, – мне очень надо с ним поговорить.

– Зачем вам Поль? – спросила кассирша.

– У меня есть для него сообщение, касающееся его жены Людмилы Бритвиной, – ответила я.

Хозяйка начала аккуратно складывать разбросанные около кассы мелочи.

– О мадам! Тут какая-то ошибка, супруга Поля перед вами.

– Правда? – удивилась я. – Но по документам месье Эвиар пять лет назад оформил брак с москвичкой Людмилой Бритвиной. Это совершенно точно.

– Нет-нет, – возразила хозяйка магазинчика, – мы живем вместе почти двадцать лет, познакомились школьниками и с

тех пор не расставались.

Девочка перестала копошиться в блокнотах, приоткрыла рот и уставилась на мать.

– Невероятно, – пробормотала я, – но в документах в качестве мужа у Людмилы Бритвиной указан Поль Эвиар! Мне нужно срочно побеседовать с ним.

– Его нет в Париже, – твердо ответила женщина. – Он в деревне, дом ремонтирует, должен вернуться после десятого сентября. Загляните сюда одиннадцатого.

– Мама, Мари сломала мой ноутбук, – пожаловался симпатичный юноша, высовываясь из маленькой дверцы.

– Замолчи, Роже, – велела мать.

– Он сам компьютер уронил! – возмутилась Мари. – А теперь меня обвиняет!

– Сейчас же уйдите наверх, – приказала мать.

– Почему? – надулась девочка.

– Вы оба не умеете себя вести, – вспыхнула мадам Эвиар и вырвала из рук дочери блокнот. – Все! Не мешайте. Господи! Не дети, а недоразумение. Вон у Виктора и Катрин, и у Симона в лавке помогают, а от тебя, Мари, одна докука.

– Я самая плохая? – покраснела дочь. – А Роже, значит, лучший? Отдай блокнот!

– Брат ушел домой, а ты продолжаешь скандалить, – вскипела хозяйка магазинчика, бросая грошовую вещицу назад в корзинку.

Девочка поджала губы:

– Ты мне обещала отдать блокнот с кошками!

– А теперь передумала, – прошипела мать. – Немедленно покинь торговый зал, не позорь меня перед посторонними.

– Хочу блокнот! – топнула ногой капризница.

– Нет! – побагровела мать.

Мари сузила глаза, стиснула кулаки. Я испугалась, что сейчас она кинется на мать, но девочка неожиданно повернулась ко мне:

– Ищете папу? Лоретта вам все врет. Сказала, что отец у бабушки?! Фигу! Я его видела в кафе на улице Сент-Оноре. Он там с какой-то теткой сидел, за руку ее держал!

– Святая Женевьева! – всплеснула руками мать. – Что ты делала в том районе? Зачем поехала в центр Парижа? Немедленно отвечай!

Мари засмеялась:

– Фиг тебе! Где хочу, там и хожу! А ты – лицемерка. Меня за ложь наказываешь, а сама врешь. И жадная в придачу! Блокнотик для меня пожалела, подавись им!

Выпалив это, Мари, уронив на пол стойку с открытками, вылетела на улицу. Китайские туристки переглянулись и быстро ушли.

Глава 7

Я наклонилась и стала собирать разлетевшиеся по полу почтовые карточки. Хозяйка быстро повесила на дверь табличку «Закрыто» и залепетала:

– О, мадам! Мари стала очень злобной!

– С подростками это случается, – утешила ее я. – Не переживайте, через пару лет она изменится. И, думаю, Мари уже горько сожалеет о своих словах. Моя дочь в ее возрасте вспыхивала от любого замечания спичкой, грубила, а через десять минут кидалась мне на шею и называла самой любимой.

– Мари то же самое проделывает, – вздохнула владелица лавки. – Она, правда, на целый день исчезает, но всегда возвращается и раскаивается.

– Тинейджеры все одинаковы, – продолжала я, – родителям надо просто набраться терпения. Мы с дочкой теперь лучшие подруги.

– Некоторые выросли, а с родителями собачатся, – не согласилась собеседница. – Вон, через дорогу антикварная лавка Риккардо, у них сыну тридцать, а по сию пору он с отцом так ругается, что по ночам соседи не спят.

– Человек взрослеет не тогда, когда у него свечи на торте перестают помещаться, а когда он понимает, что родители во многом правы, – улыбнулась я. – Одни в десять лет ста-

ли разумными, а другие и в сорок вздорные подростки. Вас Лореттой зовут, а я – Даша.

– Редкое имя, – заметила хозяйка лавки.

– Для России – нет, – возразила я, протягивая ей открытку. – Давайте поставим держатель на ноги.

Мы вместе вернули на место крутящуюся высокую тумбу.

– Надо ее к полу привинтить, да руки не достают, – пожаловалась Лоретта.

– Ваш муж в Париже? – спросила я. – Лоретта, я не француженка, прилетела сегодня из Москвы специально ради встречи с Полем.

Хозяйка лавки стала расставлять почтовые карточки в проволочные ячейки.

– Правда? А одеты как парижанка, говорите без акцента.

– Я живу на две страны, – пояснила я. – Мои дети в доме, в Сен-Клу⁸, я по большей части – в Москве.

– Сен-Клу, – протянула Лоретта. – Хорошее место, тихое, респектабельное, не то что наш шестой округ, шум, гам, вечные туристы. Но куда деваться? Надо деньги зарабатывать.

Я облокотилась о прилавок и повторила:

– Лоретта, ваш муж в Париже?

Она заломила руки:

– Мадам, умоляю вас! Никому ни слова о том, что Мари случайно увидела отца. Я со стыда сгорю. Поль завел любовницу, я ему сказала: «Выбирай: или семья, или гуляющая ба-

---

⁸ Западный пригородный район Парижа.

ба». Супруг вспыхнул и ушел из дома. Неделю назад мы поругались.

Лоретта шмыгнула носом и показала на фото, висящее на стене за кассой:

– Двадцать лет скоро нашему браку, смотрю сейчас на этот снимок и слезы лью.

– Вы прекрасная пара, – сказала я. – У вас была чудесная свадьба и платье от Шанель!

– О! Мадам! Как вы догадались? – удивилась Лоретта.

– Это не трудно, – улыбнулась я. – На снимке прекрасно видны нашитые повсюду камелии и фирменный знак «Шанель».

Мадам Эвиар кивнула:

– Да, моя мама разорилась ради меня, она хотела, чтобы я была в главный день жизни прекраснее всех. Очень надеюсь, что Поль одумается, у нас двое детей. Я знаю, что мужчины на пороге сорокалетия бесятся, авось Поль покуролешит и вернется. Вот поэтому я и вру соседям, что он теще дом ремонтирует, не хочу сплетен. Месяца полтора-два отсутствия супруга никого не удивит. Если он одумается, будем жить дальше, никогда его зигзагом налево не упрекну. Ну а если решит с этой... любовь крутить... Тогда, конечно, люди правду узнают и на меня пальцем показывать станут. Париж большой, угораздило Мари с отцом столкнуться! Ну зачем вы пришли!

– Людмила Бритвина, которая по документам являлась

женой Поля, вчера была убита в самолете Париж – Москва, – ответила я.

Лоретта перекрестилась:

– Пресвятая Дева Мария! Вы из полиции?

– Да, – соврала я, – но из российской, на территории Франции никаких полномочий не имею. Лоретта, я не причиню вам неприятностей, меня интересует только Бритвина, подробности вашей личной жизни мне не нужны. Я не сплетница.

– Давайте попьем кофе, – после небольшой паузы предложила хозяйка.

Я кивнула:

– С удовольствием.

Лоретта открыла дверь за прилавком:

– Роже!

– Да, мама, – ответил сын.

– Встань за кассу, – приказала она. – Будь внимателен! Открой магазин и не забывай улыбаться людям. Пойдемте, Даша!

По очень узкой скрипучей лестнице, едва не задевая головой низко нависший потолок с темно-коричневыми деревянными балками, мы с хозяйкой поднялись в крохотную гостиную. Лоретта сбегала на кухню, сварила кофе, принесла в комнату поднос с чашками, печенье и любезно предложила:

– Угощайтесь, выпечка от Муло.

– Оооо! Я считаю эту булочную лучшей в Париже, – об-

радовалась я.

– Вы знаете Муло! – всплеснула руками Лоретта.

– Мы целый год прожили на улице Сен-Сюльпис, по ту сторону бульвара Сен-Жермен, – пояснила я, – оформляли покупку дома, делали ремонт, искали мебель. На Сен-Сюльпис есть небольшой отель, мы сняли там четвертый этаж, подружились с Себастьяном, хозяином. А замечательная кондитерская расположена в ста метрах от гостиницы.

– Себасти! – подскочила Лоретта. – Мы с ним в одном классе учились! Он с Полем сидел. Когда у нас роман начался, Себастьян потихонечку пускал нас ночью в служебную коморку, сам на рецепшен сидел, не спал. Ну а мы... понимаете, да? Его отец экономил на служащих, он часто заставлял Себасти вместо ночного портье работать.

– Вы с Полем дружили с детства? – направила я разговор в нужную сторону.

– Мама отправила меня в тринадцать лет к своей сестре, – пояснила Лоретта. – Она не хотела, чтобы я погибла в Оверни, в Париже больше возможностей.

Я молча слушала Лоретту. Если изменить имя мадам Эвиар и назвать ее Таней, а Париж Москвой, то получается самая обычная история о провинциальной девочке, чья мать захотела для дочки счастливой судьбы. Девочка из захолустья оказалась в столичной школе, а там за партой сидел симпатичный парнишка, сын состоятельных родителей.

Лоретта и Поль влюбились друг в друга с первого взгляда

и, несмотря на непонимание со стороны взрослых, не разорвали отношений. Более того, в восемнадцать лет Лоретта забеременела. И тут началась война! Тетка Лоретты была зла на Поля, она считала, что развратный мальчишка задурил голову ее наивной племяннице, та теперь не получит образования и станет матерью-одиночкой. Родители Эвиара называли Лоретту шлюхой, провинциальной хищницей, которая нарочно забрюхатела, чтобы остаться в Париже, получать от Поля деньги на содержание малыша и жить припеваючи, ничего не делая.

В конце концов ребята разругались со всеми родственниками, сняли чердак в самом дешевом районе и оформили брак. Поль нанялся в стрипклуб барменом, Лоретта там же мыла полы. Эмиль, хозяин заведения, симпатизировал влюбленным, он разрешил им приносить на службу крошечного Роже. Младенец спал в гримерке, где переодевались танцовщицы, и очень нравился девицам. Мальчика тискало, целовало, щекотало, кормило из бутылочки и меняло ему ползунки много разного народа, можно сказать, что малыш был сыном стрипклуба. Наверное, поэтому Роже рос спокойным, никогда не плакал, постоянно улыбался и всех обожал. Потом Эвиары нашли другую работу, но с Эмилем дружба не прервалась. Пять лет назад владелец клуба сделал Полю предложение:

– Я хочу взять на работу одну танцовщицу, она русская красавица, с балетным образованием, но ей не разрешают

въезд во Францию. У Милы есть только один шанс зацепиться в Париже: выйти замуж за местного парня. Если ты оформишь с ней брак, получишь квартиру и лавку в шестом округе. Любовник Милы очень богатый человек, ему не удалось сделать ей визу, но он готов платить тому, кто поможет решить проблему.

– Свои апартаменты и магазин? – не поверил Поль.

Эмиль протянул парню бумажку:

– Езжайте с Лореттой по этому адресу. Вот ключ. Осмотритесь, а потом сообщите о своем решении.

Пара поспешила на нужную улицу и обомлела. Лавочка оказалась маленькой, жилое помещение состояло из двух крошечных комнатенок, их окна выходили на шумную, вечно заполненную туристами магистраль, но это же собственная квартира, о которой Полю и Лоретте не приходилось даже мечтать, и расположена она в родном округе Поля, где у него много друзей и где ему всегда дадут скидку на рынке.

– Понравилось? – ухмыльнулся Эмиль, когда они вернулись. – Не Версаль, но для начала сойдет. Знаете, сколько стоит квартирка в шестом арондисмане⁹? Ребята, такой шанс бывает раз в жизни, не упустите его! Вы перестанете арендовать жилье, сразу денег в семье прибавится.

– Хороший совет, – пробормотал Поль, – но я женат на Лоретте.

– Ерунда, – отмахнулся Эмиль, – давайте ваши паспорта,

---

⁹ Arrondissement – округ. Париж разделен на 20 муниципальных округов.

я все улажу.

Сначала у Эвиаров появились штампы о разводе, затем Полю поставили отметку о браке. Никто об афере не узнал, окружающие считали мужа и жену Эвиар образцовой парой. Поль и Лоретта перебрались в шестой округ. Соседям супруги соврали, что им от дальней родственницы достался домик в провинции, продав который они приобрели недвижимость на Сент-Андре дез Ар. Тетка Лоретты и родители Поля уже умерли, последние скончались за пару месяцев до переезда семьи в шестой округ. Никто не мог уличить их во лжи.

Лоретта всхлипнула:

– Мадам, умоляю, никому ни слова, что мой муж пошел налево. И ни в коем случае нельзя произносить фамилию Бритвина! Людмила устроилась к Эмилю в клуб, и очень скоро мы с Полем вновь стали законной семейной парой. Что мне сделать для вас? Я готова на все, только молчите! Нас с Полем могут отдать под суд за мошенничество, отправить в тюрьму. Что станет тогда с нашими детьми?!

– Не волнуйтесь, я не выдам вас, – пообещала я. – Меня интересует только Людмила Бритвина. Вы с ней встречались?

– Никогда, – отрезала Лоретта. – Эмиль паспорт Полю принес, там стоял штамп о браке. Спустя год владелец клуба снова документы взял, и я опять стала супругой месье Эвиара. Но для всех окружающих мы всегда были вместе, никто понятия не имел о фиктивном браке.

– У вас же, наверное, есть адрес Эмиля? – спросила я. –
Познакомьте меня с ним, за это я дам вам совет. Отправьте
Мари до конца сентября в Овернь, ей лучше побыть там до
того, как вы с мужем разберетесь со своей жизнью.

– Святая Женестьева! – ахнула Лоретта. – Почему я сама
до этого не додумалась? Сейчас звякну Катрин, она может
знать Бритвину!

Глава 8

– С кем вы собрались побеседовать? – спросила я.

– Куда подевался мобильный? – засуетилась Лоретта. – Всегда его теряю. Катрин – жена Эмиля, он сам умер, клуб теперь принадлежит его вдове. Она когда-то танцевала у Эмиля, потом окрутила его. Катрин строгая, мужа в кулаке держала, тот без ее разрешения шагу ступить не мог, ничего не предпринимал, пока с супругой не посоветуется. Детей им Бог не послал, они жили для себя. Эмиль умер богатым человеком, владельцем нескольких ночных заведений. А! Ву-аля! Нашлась трубка. Который сейчас час? О! Нет! Раньше трех часов дня Катрин звонить нельзя, она ночью работает. Минуточку!

Лоретта открыла древний секретер, порылась в ящиках, вытащила оттуда мятую визитку и протянула мне:

– Подъезжайте по этому адресу к девяти вечера. Клуб открывается в одиннадцать, хозяйка за два часа уже там. Я с ней предварительно созвонюсь, она вас любезно примет.

Я спрятала карточку в сумочку.

– Можете договориться, чтобы Катрин побеседовала со мной пораньше? Я собиралась сегодня поздно вечером улететь в Москву.

– О нет, мадам, – расстроилась Лоретта, – Катрин сотовый никогда до девяти не включает.

У меня в сумочке запищал телефон, номер, который высветился на экране, был мне незнаком, но голос звонившей я узнала сразу.

– Дашунечка! Это Рита, ваш свадебный координатор. Напоминаю, сегодня вечером приедет папуля.

– Кто? – оторопела я.

– Неужели вы забыли? – удивилась Маргарита. – Петр Андреевич, он поведет вас под венец к арке, чтобы отдать навсегда мужу.

– Черт, – вырвалось у меня, – совсем из головы вылетело!

– Не переживайте, невесты все, как одна, перед свадьбой теряют рассудок, – успокоила меня Рита. – А еще мы с вами намеревались купить сегодня платье, я могу поехать в салон прямо сейчас.

– Давайте перенесем покупку свадебного наряда на завтра, – попросила я.

– Дашунечка, времени совсем нет, – запела Маргарита. – Платье может сразу не подойти, потребуется его ушить. Лучше заранее о нем побеспокоиться.

– Я нахожусь в Париже, – неохотно призналась я.

– Как вы туда попали?! – ахнула собеседница. – Мы же вчера встречались!

– На самолете, – ответила я, – дорога недалекая.

– Аaaa! – засмеялась Рита. – Поняла! Вы решили купить наряд во Франции! Очень правильная мысль. Дашунечка, вы умница! За границей выбор больше и цена меньше. В

Москве отвратительно дорого, и у нас безобразно аляповатые модели! Кафешантан! Стразы, перья, декольте до колен. Отличненько! Значит, салон я отменяю. Насчет репетиции свадьбы позвоню. Дашулечка, не беспокойтесь ни о чем, торжество получится шикарнейшее. Ох, чуть не забыла! Сколько у вас подружек?

– Нужно точное число? Сразу не скажу, – замешкалась я. – Если самых близких, то... э... четверо, а если всех считать...

– Дашуня! Я имею в виду подружек невесты, – захихикала Рита. – У нас тут возникла гениальная идея! Учитывая тему свадьбы «История человечества», мы придумали такое!!! Но что – не скажу, сюрпри-и-изик! На свадьбе всегда должна быть интрига, иначе народ заскучает и жених с невестой скуксятся! В общем, срочно нужны телефончики подружек! О'кей?

– Хорошо, завтра я их вам скажу, – пообещала я.

– Нет, Дашунечка, лапочка, – попросила Рита, – прямо сейчас! Иначе сюрпризи-и-ик не успеет к мероприятию. Вы знаете, что подруженьки – это девочки незамужние и никогда не заключавшие брак?

– Неужели? – удивилась я.

– Точно, – подтвердила Рита. – Многие не соблюдают это старинное правило, а потом жестоко раскаиваются. Окольцованная подружка приманивает ауру расставания.

– Почему? – не поняла я.

– Дашуня, видели, как магнетик работает? Чпок, и при-

лип к холодильничку. Вот и подружка, если она в разводе, так же действует! Бумс – и вы у разоренного семейного гнездышка, – объяснила Рита.

– То есть звать надо тех, кто никогда не ходил под венец? – опешила я.

– Да! – отрезала Маргарита.

Я призадумалась. Ну, и где найти старых дев? Все мои подруги не по первому разу замужем. А вот у Манюни есть девочки, не успевшие сбегать в загс: Саша, Лиза и Наташа! Они точно подойдут! Хотя...

– А гражданский союз считается? – спросила я.

– Нет, – обрадовала меня Рита, – убийственным эффектом обладает исключительно штамп в паспорте. Так как, дадите телефончики?

– Сейчас пришлю их эсэмэской, – пообещала я, – но сама я с ними пока не беседовала, вдруг девушки откажутся?

– Дашунечка, по моему богатому опыту, ни одна девчущечка не сопротивлялась, услышав, что ей предлагают одну из основных ролей на свадьбе, – засмеялась Рита. – Не волнуйтесь, я их уговорю. Жду телефончики. Удачненько вам купить платьице. Да! Не забудьте фату, туфельки и подвязку. Мы уже нашли для вас самовар, ну, куда шампанское нальют! Красавец.

– Рита, – разозлилась я, – никакой клюквы! Самовара с шампанским не будет. Точка.

– Конечно, – скуксилась та, – как хотите. Но фидхтинг

обязательна. Без нее брак развалится! И ваш жених с этим согласен! Фидхтинг будет!

– Хорошо, – смирилась я и вернула сотовый в сумку. Значит, Феликс выяснил, что такое фидхтинг.

– Что-то случилось? – спросила Лоретта. – У вас лицо озабоченное сделалось.

– У меня скоро свадьба, – вздохнула я, – а платья нет.

– Я помогу вам! – воскликнула Лоретта, схватила телефон и затараторила со скоростью обезумевшей сороки: – Фред! К тебе сейчас придет моя знакомая, Даша! Срочно нужно платье. Сегодня! О-ля-ля! Да, мой ангел, поняла, она уже бежит. Не забудь про десять процентов скидки!

Завершив разговор, хозяйка магазина впала в еще больший ажиотаж:

– Свадьба! Прекрасно! Чудесно! Восхитительно! Лучший день в жизни! Не переживайте, вы будете прекрасны. Знаете улицу Фур?

– Конечно, – улыбнулась я, – до нее отсюда тихим шагом пять минут хода.

– Там есть магазин, на вывеске у него ящерица.

– Верно, один раз я покупала в нем для своего друга футболки, – кивнула я.

– Заворачиваете за бутик и видите салон свадебных платьев. Его хозяева Фред и Густав, я знаю их с юности, мы...

– Учились в одном классе, – не выдержала я.

– Как вы догадались? – поразилась Лоретта. – Ну не со-

всем так, просто в одной школе, они старше меня. Бегите туда. Фред вас ждет. Лучшие платья Парижа у него. Весь шестой округ выходит замуж в нарядах от Фреда и Густава, это супер! Это шик! И по разумной цене. Вы же не собираетесь поехать на авеню Монтень? Или пойти на улицу Сент-Онорэ? Вам там всучат платье с ярлыком знаменитого дома, но оно окажется сшитым в Азии, развалится на второй день. И заплатите за него столько, что стошнит. А у Фреда и Густы швеи – парижанки, да они зубами каждый шов проходят, создают произведения искусства!

– Спасибо, прямо сейчас воспользуюсь вашим советом, – остановила я Лоретту.

– Провожу вас до двери, – обрадовалась хозяйка.

На пороге магазинчика мадам Эвиар осторожно тронула меня за плечо.

– Даша! Фред вам сделает десятипроцентную скидку. Я его об этом попросила.

– Спасибо, – от души поблагодарила я Лоретту.

– Вы же никому из соседей не расскажете про любовницу Поля? – прошептала она.

– Я умею держать язык за зубами, – в очередной раз заверила я ее. – К тому же завтра я совершенно точно улечу в Москву.

– Оооо! Спасибо! – расцвела в улыбке мадам Эвиар.

Я помахала Лоретте на прощание рукой, дошла до бульвара Сен-Жермен, пересекла его, купила у метро Одеон в

небольшом кафетерии при ресторане «Комптуар» блинчик из гречневой муки и, наслаждаясь им, двинулась по улице Сен-Сюльпис к собору с тем же названием, одному из старейших зданий Парижа. Менее пяти минут понадобилось, чтобы добраться от него до лавочки, в витрине которой стоял манекен в пышном белом платье.

– Бонжур! – улыбнулся тощий черноволосый продавец в узких коротких брюках и сильно обтягивающей рубашке. Французские мужчины любят одежду на размер меньше, что отличает их от наших парней, обожающих натягивать на себя шмотки, которые явно им велики. А еще французы никогда не носят носки, надевают даже зимой ботинки на босу ногу.

– Бонжур, месье, – отозвалась я, – позовите, пожалуйста, Фреди или Густава.

– Густы – это я, – расплылся в улыбке торговец. – А вы от Лоретты? Я угадал?

Я кивнула.

– Я молодец, – засмеялся владелец бутика. – Как увидел вас на пороге, сразу понял – невеста! У вас просто на лице написано: «У меня скоро свадьба!» Фреди!

– Слушаю, дорогой, – послышалось из глубины бутика.

Потом раздался шорох, и предо мной предстал необычайно полный для парижанина брюнет.

– Фреди! – закатил глаза Густав. – Посмотри на мадам и скажи, что ты думаешь?

Тот сложил руки на груди, чуть склонил голову и загудел:

– Тридцать шестой размер, верх «а», фигура шик! Мадам, вы прекрасны. Когда свадьба?

– Платье нужно сегодня, – ответила я, – прямо сейчас.

– О! – воскликнул Фред. – О!

– О! – повторил Густав. – О!

– Лоретта пообещала, что вы мне поможете, – продолжала я.

– Лоретта! – скривился, уходя, Фред. – Вот уж странная женщина.

– Мадам, садитесь, – засуетился Густав. – Кофе? Минеральной воды? Конфетку? Фреди гениален! Вы получите самое лучшее платье!

– Почему Фред назвал Лоретту «странной женщиной»? – проявила я неуместное любопытство.

Густав закатил глаза:

– Салон достался нам от отца Фреди, золотой был человек, добрейшей души. А уж какой модельер! К нему клиенты приезжали со всей Франции. Мы учились вместе с Лореттой и Полем в одной школе. У них была такая любовь! Ромео и Джульетта! Родители с обеих сторон пытались им помешать, но возлюбленные решительно сказали: «Мы обвенчаемся». Алан Жан-Жак Эвиар, упокой Господь его душу, и Клер, его жена, Элен, тетка Лоретты, ее мать Анна, – все заявили: «Женитесь? Отлично. Но мы вам помогать не собираемся. Если думаете, что в восемнадцать лет созрели для брака – пожалуйста. Но сами будете отвечать за свое ре-

шение». А откуда у молодых деньги? Отец Фреда позвал к себе Лоретту и сказал: «Девочка, я хочу подарить тебе подвенечное платье. Давай сниму мерки. Сделаю все бесплатно, ты будешь самой прекрасной невестой». Знаете, что она ответила?

– Зарыдала от восторга? – предположила я. – Бросилась целовать отца Фреда?

– Не угадали! Скорчила мерзкую рожу и заявила: «Я не нищенка, не нуждаюсь в подачках. Под венец пойду только в Шанель, а не в какой-то тряпке!» Фреди до сих пор передергивает, когда он Лоретту видит.

– Мы с ней не подруги, – сказала я, – только сегодня познакомились.

– Конечно, мадам, – хмыкнул Густав, – с Лореттой никто не дружит. Она себя ведет как королева, ходит, задрав нос. Поль таким же стал. Муж и жена, если долго вместе живут, делаются похожими. Но лучше б было наоборот, Поль очень добрый, приветливый человек. Лоретте надо было измениться под влиянием супруга, да получилось иначе.

– Есть три модели! – загромыхал Фред, возвращаясь в зал. – Вуаля! Первое золотое, длина в пол, рукава до запястья, футляр. Декольте нет, но матери невесты неприлично оголяться. Второе цвета...

– Фреди, – зашептал Густав, – дорогой, остановись! Мадам не мать невесты!

– О! – округлил глаза тот. – Прошу прощения! Для матери

жениха отлично подойдет фиолетовое, и...

– Фреди, дорогой, – перебил Густав, – мадам сама невеста!

Компаньон замер, постоял молча, затем прислонился к прилавку с кассой и прошептал:

– Мадам невеста?

– Да, дорогой, – подтвердил Густав, – именно так!

Глава 9

Фред схватился руками за голову:

– Я совершил ужасную, трагическую, неповторимую ошибку! Катастрофа!

– Ничего страшного, – улыбнулась я. – Женщины моего возраста редко выходят замуж. Они, как правило, гуляют на свадьбах своих детей.

Фред прижал руки к груди:

– Мадам очень добра ко мне! Боже! Я ослеп! О каком возрасте вы говорите? Вы девочка! Юная! Прелестная! Невинная!

– Это мой пятый брак, – быстренько уточнила я.

– Все невесты девственны, – живо отреагировал Густав. – Старые замужества аннулируются с появлением очередного жениха. Никого не волнует, что у вас раньше было, главное, что сегодня. А у нас белое платье и фата!

– Не буду ли я выглядеть смешно в таком одеянии? – засомневалась я.

– Что я натворил, – запричитал, стуча себя по лбу кулаком, Фред, – ляпнул глупость, и теперь юная красавица считает себя старухой! Нет мне прощения!

– О мадам! – закатил глаза Густав. – Месяц назад мы сшили платье для баронессы Клар. Она выходит в двенадцатый раз замуж и всегда заказывает наряд у нас. Первое одеяние

ей шил отец Фреди в... э... шестьдесят первом году прошлого века, потом мы перехватили эстафетную палочку. Вот баронесса Клар зрелая дама, поэтому на двенадцатую свадьбу мы деликатно посоветовали ей костюм цвета экрю и вуаль. Но она пронзила меня взглядом, словно змею шпагой, и заявила: «Густы! Придурок! Нельзя невесте надевать платье цвета скисшего шампанского. Только белое!»

– Нет мне прощения! – зарыдал Фред.

– Не надо так расстраиваться, – забормотала я. – Золотой «футляр» смотрится прекрасно.

Фред выдернул из коробки на столе бумажную салфетку и приложил к глазам.

– Я раздавлен! Растоптан! Убит! Лучше умереть! Обидел девочку-невесту. Кто я после этого? Имею ли вообще право шить свадебные платья? Правильно говорила покойная мама: «Фреди, ты бестактен, как нога-хамон с черным копытом». Лучше умереть! Пойду утоплюсь в Сене!

Последние слова владелец магазина произнес на пороге, потом толкнул дверь и выскочил на улицу.

– Надо его остановить, – всполошилась я.

– О мадам! – вздохнул Густав. – Фред, как все уникально талантливые люди, излишне эмоционален. Но он брезглив и до смерти не любит пеших прогулок. До реки идти минут пятнадцать, Фреди быстро устанет и вернется. Да и вода в Сене очень грязная, ее изгадили туристические кораблики и баржи. Даже если Фред и доберется до набережной, в чем

лично я сомневаюсь, он не прыгнет с моста. Патологический чистюля не решится утопиться в мутной реке. Не волнуйтесь...

Дверь распахнулась, в бутик, шумно сопя, ввалился Фред. Не говоря ни слова, он плюхнулся в кресло и запричитал:

– Права была покойная мама! Я ни на что не годен! Не дошел до Сены. Прости, Густы, я не смыл позор кровью. Отец сейчас в своем склепе зубами скрипит, он-то бы сразу сделал харакири!

– Папенька Фреди был японец, – пояснил Густав, – а мама итальянка.

Фред закрыл лицо руками и зарыдал. Приятель бросился к нему, обнял и прижал к себе.

– О, мадам! Мы с Фреди всю жизнь вместе! Я его понимаю, как никто другой.

– Ходили в одну школу, – кивнула я.

– Дорогой, – засюсюкал Густав, – солнце мое! Мой король! Ты просто устал! Шил всю ночь, не выспался, вот нервы и сдали. Сделаем мадам не десяти-, а пятнадцатипроцентную скидку, это мигом ее утешит, правда?

– Дорогой Фред, за такое снижение цены вы можете смело назвать меня старой обезьяной, – хихикнула я. – Поверьте, я не обижусь!

Владелец бутика опустил руки:

– Правда? Ооо! Вы так милы! Густы, может скостим двадцать процентов?!

– Дорогой, пятнадцать – это предел, – твердо возразил Густав. – Но ты можешь подарить мадам одну из своих чудесных сумочек с секретом.

Фреди вскочил и кинулся к шкафу:

– Точно! Гениально! Супер! Мои аксессуары на пике моды! Вот, мадам, гляньте!

Он взял с полки небольшой клатч на цепочке.

– Цвет перламутр, подойдет на любой случай.

– Спасибо, вещь прекрасная, потрясающая, великолепная, – рассыпалась я в похвалах, не желая, чтобы портной опять впал в истерику.

– Густав, подсчитай сумму, – велел Фреди, – а я пока упаковую платье.

– Стойте, я еще не выбрала! – воскликнула я. – Вы же хотели показать мне другие наряды для невесты.

Густав вскинул брови:

– Фреди?

– Я кретино первоклассо, – завопил его компаньон, – иди-ото супериссимо! Права была покойная мама, называя сына дубиной. О небо! О святой Иосиф! О боже! Платье!

Толстяк исчез в служебном помещении.

– Покойная мадам Анжу слишком сурово обращалась с сыном, – неодобрительно заметил Густав. – Каждый раз, когда мы приезжаем на кладбище, я опасаюсь, что она выползет из склепа и отвесит Фреду оплеуху за то, что он непочтительно возложил букет цветов к надгробию. Пусть Господь

простит меня за некорректные, но правдивые слова: мадам Анжу была сколопендра. Вот моя мамочка иная! Она нас с Фреди обожает.

– Принес все! – возвестил Фред. – Давайте определим стиль. Классика? Авангард?

– Хочется нечто красивое, элегантное, торжественное, но не пафосное, – озвучила я свои желания.

Фред схватил одну вешалку и потряс ею передо мной:

– Оригинально. Невинно. Супер.

Я оглядела кожаное боди белого цвета на золотой шнуровке, к которому внизу прикреплялась совершенно прозрачная юбка.

– Ну... очень короткое! Напоминает купальник.

– Длина в пол, – возразил Густав.

– Низ платья просвечивает, – смутилась я.

– Наденете колготки, – оживился Фреди, – и вот обувь.

На ковер шлепнулись два длинных ботфорта на устрашающе тонких, головокружительно высоких шпильках.

– М-м-м, – протянула я, – нет ли наряда в стиле королевы Марии-Антуанетты?

– Мадам, этой королеве отрубили голову, – всполошился Густав, – ее свадебное платье никто не заказывает. Плохая примета. Неудачная карма.

Я потупилась. Думаю, Маргарита и Эвелина нашли бы общий язык с Фреди и Густи.

– Вот мадам Помпадур – другое дело! – провозгласил

Фреди, хватая другую вешалку. – Она столько лет управляла Францией!

– Мадам Помпадур никогда не была женой короля, – напомнила я. – Она являлась супругой Шарля Гийома Этьоля.

– Ооо! Даша! – подпрыгнул Густав. – Отсутствие официального статуса совершенно не мешало фаворитке вертеть Людовиком Пятнадцатым, как кисточкой для румян. И мадам Помпадур с Людовиком тайно оформили брак! Сей факт публике неизвестен, но мы с Фреди в курсе, нам один историк рассказал и продемонстрировал фото венчания!

Я засмеялась и тут же закашлялась. Не стоит говорить Густу, что мадам Помпадур никогда не шла к венцу с Людовиком Пятнадцатым. И вообще она умерла в тысяча семьсот шестьдесят четвертом, а фотография появилась на свет позднее.

– Шикарно! Достойно! Элегантно! – завопил Фред, тряся передо мной белым платьем, щедро украшенным со всех сторон разноцветными стразами. – Вот оно, свадебное платье мадам Помпадур, то самое, со снимка тайного венчания, который нам историк показал. То есть не оно само, а реплика. Самый любимый невестами шестого округа вариант. К нему прилагаются фата на диадеме и простые лаконичные туфли. Осмелюсь предложить прическу а ля «Сама невинность» и легкий макияж, без смоки айз и бордовой помады. Нежность! Счастье! Любовь! Ооо! Как это прекрасно!

– Ну... – протянула я, – очень уж блеснит.

– Мадам должна сиять. Померяйте, – слаженным хором пропели хозяева магазина.

– Лучше без камней, – загапризничала я.

Фред закрыл глаза:

– Вы все еще на меня сердитесь! Поэтому не желаете даже прикинуть божественное одеяние. Я растоптан! Убит! Пойду утоплюсь в Сене!

– Где кабинка? – сдалась я.

– Следуйте за мной, – торжественно заявил Фред, – извольте сюда зайти. Ооо! Пардон! Здесь висит платье. Сейчас его уберу.

– Нет, пусть останется, – возразила я, глядя на элегантный наряд цвета пыльной розы, – он мне не мешает.

– Даша! Вы разрешите мне застегнуть крючки на корсете? – крикнул минут через пять Густав. – Я зажмурюсь, не стану вас разглядывать. И для вашего полнейшего спокойствия сообщу, мы с Фреди много лет счастливы вместе, я абсолютно не опасен для женщин. Очень люблю прекрасных дам, но только как модельер.

Дверь кабинки приоткрылась.

– Вы сами не справитесь с застежками.

– Верно, – вздохнула я.

– Невесту всегда одевают, – болтал Густав, затягивая на мне корсет. – О! У вас талия, как шея у нашего пуделя.

– Такая же волосатая? – съязвила я.

Густав расхохотался:

– Нет. Очень тонкая. Вы прелестны, вы супериссимо, вы принцесса! Надо выйти в зал, там оглядите себя со всех сторон.

Увидев меня, Фреди схватился за сердце:

– От такой красоты дыхание останавливается.

Я остановилась перед зеркалом и не сдержалась:

– Ну и ну! Я похожа на копию яйца Фаберже.

– Да, да, – не понял Густы, – вы так же прекрасны, как ювелирный шедевр. Ах! Мы же забыли самое главное! Нащупайте на поясе кнопочку и нажмите на нее.

Я собиралась пойти в кабину и стащить с себя сверкающее безумие, но все же выполнила просьбу портного. Послышался тихий щелчок, юбка вздулась и натянулась на невесту откуда появившийся каркас.

– Гениально, – захлопал в ладоши Густав, – одеяние широкое, можно застрять в дверях и в машину не сесть. У мадам Помпадур не было таких проблем, ей подавали специальную карету размера кинг-сайз. Но Фреди потрясающе решил задачу. Эффект зонтика. В юбку вшита конструкция из суперпрочного пластика. Когда надо, нажимаем на кнопочку. Раз, два, три! Вуаля! Хотим сесть в автомобиль? Четыре, пять, шесть! И можем всунуться даже в картонную коробку.

– Грудь... – задумчиво протянул Фреди. – Мадам, я приношу вам свои глубочайшие извинения, пардон за откровенность, но кутюрье, как врач, обязан говорить правду. Мадам, корсету нужен бюст!

– У меня его нет, – хмыкнула я. – Вот и хорошо, это платье не подходит. В примерочной кабинке висит очень симпатичное...

– Даша, – не дал мне договорить Густав, – почти все наши клиентки вашего размера, не надо сразу сдаваться. У любой проблемы есть решение. То, с чем мы столкнулись сейчас, чепуха. Вуаля!

Густы подал мне довольно тяжелый бархатный мешочек.

– Силиконовые вкладки. Четвертый размер. В лифе есть кармашки, всовываете в них ваш маленький секрет, и... жених слепнет от восторга. Для этого платья четвертый номер – самый лучший. Правда, кое-кто просит пятый, но это фуу!

– Ваш муж лишится дара речи от восторга, – зажурчал Фреди. – Такая грудь! Глаз не оторвать!

– То-то сюрприз ему будет, когда новобрачная в спальне разденется, – захихикала я. – Феликс знает, что у меня первый номер, мы давно живем вместе. Жаль, но платье не подошло, дайте померить другое, розовое из кабинки.

– Ооо! Мадам, – заломил руки Фред, – это очень скромно, очень дешево, было сделано для одной бедной дамы, прямо скажу, нищей. Сидело, правда, прекрасно, но бедняжка увидела себя в зеркале и заплакала от расстройства. На своей свадьбе хочется быть самой красивой, а не несчастной Козеттой¹⁰. Мы с Густы разрыдались вместе с клиенткой и подарили ей одеяние Помпадур. Конечно, понесли убытки, но

---

¹⁰ Козетта – одна из героинь романа В. Гюго «Отверженные», нищая девочка.

сколько счастья доставили невесте! И я ей еще свою сумочку с секретом вручил.

– Плюс туфли на серебряных каблуках, – заговорщически подмигнул Густав, показывая мне ужасающе прекрасные, все оклеенные разноцветными стекляшками лодочки на сверкающей шпильке. – У вас, Даша, какой размер?

– Тридцать восемь, – ответила я.

– Как раз ваш! – возликовал Густав. – Померяйте, всуньте прелестные ножки в королевскую обувь.

– Шик! Супер, – затрепал Фред, – но они только к платью Помпадур, к розовому идут простенькие, атласные. Даша, ангел наш, вы достойны роскоши. Если стеснены в средствах, мы с Густавом...

– Нет, нет, спасибо, – живо возразила я. – У меня солидный счет в банке. Просто розовое платье понравилось мне больше.

Густав взглянул на Фреда, тот – на Густава.

– Если вы так решили, – промямлили они.

– Пойду примерю наряд, – обрадовалась я.

Минут через двадцать, забирая у меня кредитку, Густав осведомился:

– Не передумали?

– Нет, – твердо ответила я.

– Вы в этом платье будете похожи на мышь, которая просит подаяние на ступенях собора Сен-Сюльпис, – взвился Фред и быстро ушел в глубь бутика.

– Он такой эмоциональный, – вздохнул Густав, – нежный, ранимый, беззащитный, за каждую невесту переживает. Куда прикажете доставить платье?

– Положите в пакет, я заберу его сейчас, – легкомысленно распорядилась я.

На лице Густав появилось выражение ужаса:

– О нет, мадам! Вещь следует отпарить, отгладить и складывать ни при каких обстоятельствах нельзя. Платье поместят в специальный кофр, который везут стоймя. О боже! В пакет! Еще и туфли с сумочкой туда??? Назовите адрес, мы пришлем наряд в любое место!

– Можете доставить его завтра в аэропорт Шарля де Голля? – обрадовалась я.

– Естественно, – кивнул Густав. – Мы часто так делаем, назовите номер рейса. Посыльный будет ожидать вас у стойки оформления багажа.

– Я пока не знаю, когда улечу, – пояснила я. – Позвоню вам сегодня вечером и точно назову время.

Густав протянул мне визитку:

– Мадам, мы с Фредом желаем вам прекрасной свадьбы. Когда захотите снова замуж, ждем вас с распростертыми объятиями. Постоянные клиенты имеют тридцатипроцентную скидку и туфельки в подарок.

– Плюс моя авторская сумочка с секретом, – подал голос Фреди из недр бутика.

Глава 10

В полдевятого вечера я вылезла из такси в незнакомом, отдаленном от центра Парижа районе и удивилась. Улица застроена жилыми домами, и не похоже, что тут есть увеселительное заведение, вокруг тишина, и не видно ни одной вывески с яркими огнями. Я вытащила из сумочки полученную от Лоретты потрепанную визитку и еще раз прочитала напечатанный на ней адрес. «Катрин Амори. Улица Кларас, дом 14, кв. 1». Интересно! Я стою как раз около этого здания, но оно похоже на клуб, как кролик на табуретку. Надо попробовать позвонить в первую квартиру, вдруг Лоретта перепутала и вручила мне карточку с домашним адресом Катрин? Я нажала на клавишу домофона.

– Вы к кому? – спросил чуть надтреснутый голос.

– Бонжур, – машинально произнесла я, – ищу мадам Амори.

Дверь подъезда приоткрылась, я юркнула внутрь, увидела в полумраке женщину, стоящую на пороге квартиры, и удивилась:

– Вы Катрин? Меня к вам отправила Лоретта Эвиар. Я Даша.

– Нет, мадам, – возразила незнакомка, – Катрин скончалась три года назад, я ее дочь Клодина. Заходите, поговорим в доме, не стоит обсуждать вашу проблему на лестнице.

Я втиснулась в крошечный коридорчик, поняла, что передо мной вовсе не пожилая дама, и продолжила:

– Лоретта вам не позвонила? Она не знала, что Катрин нет в живых. Соболезную вашей утрате. Может, родители рассказывали вам о Людмиле Бритвиной?

Клодин заморгала:

– О ком?

– О Людмиле Бритвиной, – повторила я, – эмигрантке из России, она танцевала в клубе вашего отца Эмиля.

Хозяйка сделала шаг назад.

– Мадам, произошла путаница, вы пришли не к тому человеку. Кто вам нужен?

– Мадам Катрин Амори, – сказала я.

– Это моя покойная мать, – повторила Клодин, – но она не была женой Эмиля. Моего отца звали Пьер, он не владел клубом, а служил аптекарем, умер двенадцать лет назад, фармация теперь моя.

– Не может быть! – выпалила я.

Клодин пожала плечами:

– Мадам, можете спросить у любого человека на этой улице, наша семья живет здесь с восемнадцатого века. Амори всегда работали аптекарями, весь квартал у нас покупает готовые лекарства, а еще мы составляем их по рецепту докторов. Сейчас в Париже почти не осталось провизоров, способных сделать лечебную микстуру, нынче время таблеток и капель, которые производятся концернами, но, поверьте,

детский сироп от кашля по рецепту Анри Амори, моего прапрадеда, действует намного лучше и не вызывает аллергии. Мои родители не ходили по клубам, мама была акушеркой, работала день и ночь, папа составлял разные снадобья, я с юного возраста помогала ему.

– Акушерка? – растерянно повторила я.

– Да, мадам, – улыбнулась Клодин, – одна из лучших в Париже, много детей появилось на свет с ее помощью. Мать служила в госпитале Святой Елены, но никогда не отказывалась помочь, если кто-то вдруг решал рожать дома. Встречаются глупые женщины, которые считают, что в клиниках грязь, их младенцам там сразу сделают прививки, поэтому они не обращаются в больницы. Очень безответственное поведение! Еще попадают особы, разрешающиеся от бремени в своей ванне, в воде. Я думаю, мадам, если б Господь хотел, чтобы младенцы появлялись на свет в водоемах, он бы сделал нас рыбами. Мама не одобряла домашние роды, но всегда спешила к тем, кто, задумав без помощи врача произвести ребенка на свет, не мог сам это сделать и посылал гонца к Катрин. Мама этих дурочек и младенцев с того света вытаскивала.

Я протянула Клодин замусоленную визитку, полученную от Лоретты:

– Это карточка вашей мамы?

Женщина кивнула:

– Да. Она раздавала их многим. Но у вас очень старый эк-

земпляр, ему больше десяти лет, мама позже сделала другие визитки, с золотым тиснением, очень элегантные.

– Вы не запомнили среди пациентов матери Людмилу Бритвину? – цеплялась я за последнюю надежду.

Клодин сделала отрицательный жест рукой:

– Нет. Мама работала в больнице, беременные, как правило, шли туда. Домой прибегали только соседки и подруги. Но среди них Бритвиной не было.

– Имя Лоретта Эвиар вам случайно не знакомо? – сама не зная почему, спросила я.

Клодин призадумалась.

– Тоже нет. Извините, что не помогла.

Я попрощалась с приветливой аптекаршей, вышла на сонную улочку и внезапно ощутила прилив адреналина. Ну, Лоретта, погоди! Не знаю, зачем ты отправила меня на край Парижа, вдохновенно наврав про Эмиля и Катрин, но я сейчас вернусь к тебе и задам малоприятные вопросы. Париж не Москва, столицу Франции можно быстро пересечь из одного конца в другой, я успею попасть к Эвиарам до того, как фантазерка уляжется спать.

* * *

Сувенирные лавочки на улице Сент-Андре дез Ар закрылись, зато маленькие ресторанчики распахнули двери. Я дошла до дома Лоретты и начала терзать звонок. Через де-

сять минут бесплодных стараний я догадалась задрать голову, поняла, что в окнах квартирки Эвиар нет света, перешла на другую сторону улицы и села за маленький столик, который владелец кафе выставил на воздух. Ко мне на удивление быстро подошла официантка:

– Бонжур, мадам, ужинаете одна или к вам подойдут?

– Я никого не жду, – улыбнулась я.

Девушка положила на бумажную скатерть меню:

– Блюдо дня – лосось по-флорентийски.

– Давайте, – обрадовалась я, – и бокал сидра. Простите, вы знаете Лоретту из сувенирной лавки?

– Конечно, мадам, – улыбнулась официантка, – мы с ее сыном Роже в одной школе учились, он, в отличие от меня, решил стать адвокатом, а я не хочу забивать голову наукой, жизнь одна, неохота ее провести, зачехнув над учебниками. А почему вы спрашиваете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.